

НОРА РОБЕРТС

Обнаженная смерть

*Уникальное сочетание
жесткой криминальной драмы,
чувственного романа
и безграничной фантазии.*
The Gothic Journal

Ева Даллас

Нора Робертс

Обнаженная смерть

«ЭКСМО»

1995

Робертс Н.

Обнаженная смерть / Н. Робертс — «Эксмо», 1995 — (Ева Даллас)

Первая книга суперпопулярной современной писательницы Норы Робертс, изданная на Западе под псевдонимом Джей Ди Робб, открывает один из самых успешных авторских проектов – серию о Еве Даллас, лейтенанте полиции. Действие детективно-футуристических романов, вошедших в этот цикл, происходит в Нью-Йорке ближайшего будущего. Каждая книга раскрывает тайну конкретного преступления. В данном романе читатель станет свидетелем проводимого Евой расследования преступлений безумного маньяка, терроризирующего город. Жертвами серийного убийцы становятся молодые красивые женщины. Жестокости и изощренности, с которыми он расправляется с несчастными, мог бы позавидовать сам Джек-потрошитель. Но самое главное – он не оставляет после себя никаких следов, которые могут помочь Еве поймать преступника. А тут еще в число подозреваемых попадает неотразимый красавец-миллиардер, загадочный и потрясающе сексуальный ирландец Рорк, к которому Ева начинает испытывать крайне неуместную в этом случае симпатию... Сможет ли детектив Даллас распутать кровавый клубок, остановить убийцу и спасти жизнь очередной жертве? И куда ее саму заведет безудержная страсть?

© Робертс Н., 1995

© Эксмо, 1995

Содержание

1	5
2	14
3	24
4	32
5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Нора Робертс

Обнаженная смерть

Прошлое – это пролог.
Уильям Шекспир

Насилие – американская традиция, вроде вишневого пирога.
Рэн Браун

1

Она проснулась в темноте. Сквозь щели в жалюзи в комнату проникал тусклый свет занимающейся зари, рисуя полосы на голой стене. Это было сродни пробуждению в тюремной камере...

Она лежала, дрожа всем телом, не в силах вырваться из плена сна. Прослужив в полиции десяток лет, Ева все еще видела сны!

Шесть часов назад она убила человека. У нее на глазах смерть остановила его взгляд. Такое случилось с ней не впервые, она знала, что ее потом замучают сны, и даже привыкла к этому. Но ребенок – вот кто не давал ей покоя. Ребенок, которого она не успела спасти. Ребенок, чьи крики во сне перекликались с ее собственными.

«Как много крови! – думала Ева, вытирая обеими руками пот с лица. – Такая малютка – и столько крови!»

Нужно было поскорее избавиться от наваждения: согласно правилам управления ее день должен начинаться с проверки эмоционального состояния и психического равновесия. Всякий полицейский, применивший оружие с летальными последствиями, проходил такую проверку, прежде чем получал разрешение продолжить исполнение служебных обязанностей. Впрочем, Ева относилась к проверке как к пустой формальности: она не сомневалась, что пройдет ее, как это всегда бывало и прежде.

Она встала, зажгла свет и отправилась в ванную. Увидев свое отражение в зеркале, Ева невольно поморщилась. Припухшие от недосыпа глаза, мертвенная бледность, как у трупов ее собственного производства. Она потрясла головой, чтобы отогнать мрачные мысли, открыла воду на полную мощность и встала под душ, подставив лицо больно бьющим струям.

Не обращая внимания на густые клубы пара, она рассеянно намыливалась, прокручивая в памяти события минувшей ночи. На проверку следовало явиться к девяти. В ее распоряжении оставалось три часа, чтобы полностью освободиться от сна и прийти в себя.

Проверка выявляла даже малейшие сомнения и слабые намеки на угрызения совести. Если обнаруживалось даже ничтожное отклонение от нормы, испытуемому предстояло повторное, еще более интенсивное обследование. Ева даже в мыслях не допускала ничего подобного и надеялась, что этого никогда не случится.

Накинув халат, она побрела в кухню, включила кофеварку и засунула в тостер хлеб. С улицы доносился гул транспорта: одни спешили с утра пораньше на работу, другие только возвращались с работы домой. Ева выбрала эту квартиру несколько лет назад именно из-за густого транспортного потока: ей всегда нравился шум, нравилась толчея большого города.

Зевая, она проводила взглядом трясущийся от дряхлости автобус, подобрала с пола у входной двери «Нью-Йорк таймс» и бегло просмотрела заголовки, дожидаясь, пока кофеин окажет взбадривающее действие на организм. Тостер в очередной раз сжег хлеб, но она все равно съела его. Проклятая штукавина давно требовала замены.

В одной из статей говорилось о массовом изъятии из продажи некоторых пород собак. Не успела она прореагировать на сообщение, как запищало устройство вызова. Ева переключилась на связь и услышала голос своего начальника:

– Лейтенант!

– Слушаю, сэр.

– Происшествие на углу Бродвея и Двадцать седьмой улицы, восемнадцатый этаж. Расследование поручается вам.

Ева приподняла бровь:

– Но я должна сначала пройти проверку. Летальный исход в двадцать два тридцать пять.

– Отменяется! – ответил майор без запинки. – Берите значок и оружие – и немедленно туда! Категория пять, лейтенант.

– Будет исполнено, сэр.

Отключив связь, Ева еще некоторое время смотрела на переговорное устройство. Категория пять означала прямой доклад начальнику, закрытое расследование, запрет на сотрудничество с прессой.

По сути дела, ей развязывали руки.

На Бродвее, как всегда, было шумно илюдно – бесконечное представление, привлекающее все новых зрителей, а оттока не наблюдалось. Тротуары и мостовые забиты до отказа, людям и машинам негде повернуться. Когда Ева была простым уличным копом, здесь расстались с жизнью немало туристов, засмотревшихся на это круглосуточное шоу и утративших бдительность.

Даже в этот ранний час повсюду работали стационарные и передвижные лотки, утолявшие аппетит бурлящих толп всевозможной снедью – от рисовой лапши до соевых сосисок. Ева до отказа вывернула руль, чтобы не врезаться в торговца с окутанной паром тележкой, и не обиделась, когда из пара высунулся выразительный средний палец.

Ева оставила машину на проезжей части – у тротуара не было ни одного свободного места, обогнула пошатывающегося субъекта, дыша ртом, чтобы не стошнило от запаха перегара, и задрала голову. С бетонного основания в небо рвалось пятьдесят этажей сверкающей стали.

Стоило Еве сделать два шага поперек тротуара – она тут же получила два непристойных предложения. Впрочем, удивляться было нечему: этот и четыре соседних бродвейских квартала любовно именовались Шлюходромом.

– Лейтенант Даллас, – представилась Ева полицейскому в форме, дожидавшемуся у входа, и показала ему значок.

– Да, мэм.

Полицейский пропустил ее внутрь, запер дверь на электронный замок, чтобы в здание не проникли посторонние, и зашагал вместе с ней к лифтам.

– Восемнадцатый этаж, – приказал он, войдя следом за Евой в кабину.

– Докладывайте. – Ева включила диктофон.

– Я здесь недавно, мэм. Мне приказано дежурить у входа, понятия не имею, что произошло там, наверху. Вас ждет полицейский в штатском. Насильственная смерть в комнате восемнадцать ноль три. Пятая категория. Вот все, что мне известно.

– Кто вызвал полицию?

– Этого я тоже не знаю.

Двери лифта раздвинулись. Полицейский остался в кабине. Ева оказалась одна в узком коридоре и стала объектом внимания нескольких камер наблюдения. Потертый ковер заглушал ее шаги. Подойдя к номеру 1803, она постучала и поднесла к «глазку» свой значок. Дверь распахнулась.

– Даллас!

– Фини! – Увидев знакомое лицо, Ева улыбнулась. Райан Фини был ее старым приятелем и напарником. Потом он сменил оперативную работу на ответственный пост в отделе электронного наблюдения. – Выходит, вам, кабинетным крысам, тоже иногда выпадает проветриться?

– Это дело решено доверить лучшим из лучших! – Широкая физиономия Фини расплылась в улыбке, но глаза остались серьезными. Он был приземистым человечком с короткими руками и волосами цвета ржавчины. – Ну и видок у тебя!

– Ночка досталась веселая.

– Слыхал.

Он протянул Еве свой неизменный пакетик с орешками в сахаре и внимательно взглянул на нее, гадая, выдержит ли она то, что ждет ее в соседней комнате.

Для офицерского звания Ева Даллас была молода – всего тридцать. Большие карие глаза – такие принято называть наивными – могли обмануть кого угодно, но только не Фини: наивности в полиции не место. Каштановые волосы были подстрижены очень коротко – вроде бы из соображений удобства, но такая прическа отлично сочеталась с ее худым лицом, высокими скулами и ямочкой на подбородке. Рослая, длинноногая, на первый взгляд тощая, хотя... Фини знал, какие сильные мускулы скрываются под ее кожаной курткой. А еще у Евы была светлая голова, что гораздо важнее мускулов. И живое сердце.

– Та еще история, Даллас...

– Могу себе представить. Кто убит?

– Шерон Дебласс, внучка сенатора Дебласса.

Эта фамилия была для Евы пустым звуком.

– Ты же знаешь, в политике я не сильна, Фини.

– Джентльмен из Виргинии, очень богат, крайне правый. А внучку несколько лет назад понесло влево: перебралась в Нью-Йорк, получила лицензию на профессиональное занятие сексом, с семьей, кажется, порвала.

– Шлюха?

Ева оглядела комнату. Обстановка подчеркнуто современная: стекло, хром, авторские голограммы на стенах, ярко-красная стойка бара в нише, за баром – экран в абстрактных разводах приглушенных тонов.

«Аккуратность девственницы и холодность шлюхи», – подумала Ева.

– Недаром купила квартиру в таком районе...

– Итак, проблема номер один: ее дед – известный политик. Белая женщина двадцати четырех лет. Умерла в постели.

Ева в недоумении приподняла бровь.

– Поразительное совпадение: именно там, где зарабатывала. Как это произошло?

– А вот это – проблема номер два. Лучше взгляни сама.

Пересекая гостиную, оба достали по баллончику и опрыскали себе руки, чтобы не оставлять отпечатков. Перед дверью Ева еще побрызгала себе на подошвы, чтобы не унести из спальни ни одной ниточки, волоска, чешуйки кожи.

Ситуация была явно неординарной. На месте преступления, помимо детективов, полагалось работать еще двум следователям, ответственным за аудио– и видеозапись. А в затылок их четверке должны были дышать судмедэксперты, примчавшиеся снимать отпечатки.

То обстоятельство, что к ней приставили одного Фини, говорило, что вокруг этого трупа надлежит ходить на цыпочках.

– Вестибюль, лифт и коридор оборудованы камерами слежения, – напомнила Ева.

– Знаю. Я уже затребовал диски с записями. – Фини открыл дверь спальни и пропустил ее вперед.

Картина была малосимпатичной. Еве почти никогда не приходилось сталкиваться с благообразной смертью. Любого – и святого, и грешника – ждал одинаково неприглядный конец. Но здесь все свидетельствовало о намерении вызвать у того, кто войдет в комнату, приступ тошноты.

Огромная кровать была гладко застелена атласной простыней цвета созревшего персика. Луч света с потолка был направлен в центр кровати, где на мягко колеблющемся водяном матрасе распласталась обнаженная женщина. Матрас вздымался нежными волнами под музыку, льющуюся откуда-то из изголовья кровати. Сейчас это механическое движение выглядело верхом непристойности.

Она так и осталась красавицей: точеное личико в обрамлении густых огненно-рыжих волос, изумрудные глаза, безжизненно уставившиеся в зеркальный потолок. Длинные молочно-белые руки и ноги, колеблющиеся в такт движениям матраса, воскрешали в памяти фигуры балерин из «Лебединого озера».

Увы, вместо того чтобы изысканно изгибаться, застывшие члены были бесстыдно разбросаны в стороны, так что труп посреди кровати казался крестом на прерванной жизни.

Во лбу трупа, в груди и между ног зияло по дыре. Кровь стояла лужицами на атласной простыне, стекала на пол. На лакированных стенах тоже были кровавые пятна, словно в комнате металось обезумевшее от вида и запаха крови дитя.

Такое количество вытекшей крови – большая редкость. Ева еще не отошла от зрелища кровопролития накануне вечером, поэтому, как ни старалась, не сумела сохранить спокойствие. Она сделала судорожный глоток. Не хватало только вспомнить того несчастного ребенка...

– Ты все заснял?

– Все.

– Тогда выключи эту дрянь!

Фини нашел пульт и нажал на кнопки. Музыка смолкла, колебания матраса прекратились, и Ева облегченно перевела дух.

– Какие странные раны... – прошептала она, подойдя ближе. – Для ножа слишком ровные, для револьвера – слишком кровавые.

В следующий момент ее осенило. Она вспомнила фотографии из учебников, экспонаты полицейского музея оружия, описания уже отошедшей в прошлое манеры убивать.

– Господи, Фини! Это же похоже на кремневый пистолет!

Фини вынул из кармана запечатанный пакет.

– Тот, кто это сделал, оставил нам сувенир. – Он передал пакет Еве. – Антикварный экспонат! Законопослушные коллекционеры платят за такие штучки тысяч по восемь-десять, а на черном рынке они идут вдвое дороже.

Ева покрутила в руках пакет с пистолетом.

– Тяжелый... – уважительно пробормотала она. – До чего здоровенный!

– Раньше я их видел только в музее. – Фини смотрел на пистолет почти с благоговением. – Настоящая классика! Такие находились на вооружении полиции до середины девятнадцатого века.

– А ты, как я погляжу, разбираешься в истории! Теперь понятно, почему сюда прислали именно тебя. – Она внимательно осмотрела пистолет. – Совсем как новенький. Кто-то за ним любовно ухаживал... – задумчиво проговорила Ева, отдавая Фини пакет. – Какая уродливая смерть! В первый раз сталкиваюсь с таким методом убийства за десять лет службы в полиции.

– А я во второй. Первый – лет пятнадцать назад. Заваруха на вечеринке в Нижнем Ист-Сайде. Там один пришил пятерых из кремневого ружья, пока не понял, что это не игрушка. Ну и кровищи было!

– Весельчаки! – пробормотала Ева. – Нужно будет проверить коллекционеров. Интересно, сколько среди них найдется владельцев таких пушек? Вдруг кто-то уже заявлял о краже?

– Если только вдруг...

– Да, скорее всего, оружие приобретено на черном рынке. – Ева оглянулась на труп. – Если она занималась проституцией несколько лет, то у нее должны быть записи учета клиентов... – Она нахмурилась. – Поскольку расследование ведется по пятой категории, мне придется самой собирать свидетельские показания. Это тебе не заурядное преступление на сексуальной почве! – сказала она со вздохом. – Смотри, как все продумано: старинное оружие, самі раны как по линейке, освещение, поза... А кто вызвал полицию?

– Убийца, – нахмурился Фини. – Позвонил в участок прямо отсюда.

– Он что, издевается над нами?! – Ева вдруг почувствовала, что ей трудно дышать, и помотала головой, чтобы успокоиться. – Убийца наверняка умен, высокомерен и дерзок. Спорю на свой значок – сперва он с ней переспал! А потом встал и застрелил. – Она вытянула руку и прицелилась из пальца. – Раз, два, три!

– Так хладнокровно? – прошептал Фини.

– Судя по всему, он хладнокровен, как змей. Прикончив ее, он даже расправил простыню. Видишь, ни одной морщинки? Потом положил ее посередине кровати и развел ноги, чтобы ясно было, чем она зарабатывала на жизнь. Все аккуратно, продуманно, не подкопаться. Смотри, как тщательно выверены все углы! Кровать он не выключил, потому что это – часть композиции. Пистолет оставил, потому что ему хотелось, чтобы мы сразу смекнули, с каким необычным человеком имеем дело. Себя он уважает: не пожелал зря терять время, дожидаясь, пока тело случайно обнаружат. Ему подавай все сразу! Незамедлительное вознаграждение!

– А ты уверена, что это «он»? У нее было разрешение и на мужчин, и на женщин, – подсказал Фини.

Ева отрицательно покачала головой.

– Это не женских рук дело. Женщина не стала бы стараться создать такое сочетание красоты и бесстыдства. Нет, по-моему, это не женщина. Давай-ка оглядимся. Ты уже залезал в ее компьютер?

– Нет. Ведь расследование поручено тебе, Даллас, а мне велено помогать.

– Попробуй заглянуть в ее файлы со списками клиентов.

Ева подошла к комоду и стала рыться в ящиках. Покойная питала пристрастие к дорогим шмоткам. Некоторые вещицы были из чистого шелка – высочайшее качество! Ева понюхала пузырек изысканных духов на столике: запах роскошного порока.

Белье было сложено с похвальной аккуратностью: белые стопки, черные, цветные. Ева никогда не видела такого количества джемперов самых разнообразных расцветок и материалов. В шкафу тоже царил полный порядок. Как видно, жертва любила одеваться, выбирала себе только самое лучшее, держала в порядке свой гардероб.

А умерла обнаженной...

– Какая дисциплинированность! – восхитился Фини. – Тут все, что надо: список клиентов, расписание, включая обязательный ежемесячный осмотр у врача и еженедельные посещения салона красоты. Медосмотры она проходила в клинике «Трайидент», а красотой занималась в салоне «Парадиз».

– Шикарные заведения! Одна моя подруга целый год копила деньги, чтобы провести в «Парадизе» всего день. Не думала, что там принимают любую клиентуру.

– Какая разница? Были бы деньги. Сестра моей жены позволила себе такое баловство на серебряную свадьбу. Стоило это ей столько же, сколько мне – свадьба сына... А вот и адреса!

– Отлично! Все тщательно скопируй. – Услышав, как Фини присвистнул, она обернулась: – Что там?

– Знаменитость на знаменитости! Политика, шоу-бизнес, деньги, деньги, деньги... А вот это интересно: у нашей крошки есть телефон Рорка.

– Что за Рорк?

– Просто Рорк. Настоящий денежный мешок! Что бы ему ни попало в руки, даже самое завалящее дерьмо, он все превращает в золото. А тебе, Даллас, пора бы перестать читать в газете одну спортивную страницу.

– Я не пропускаю ни одного заголовка. Вот ты, например, слыхал про запрет на продажу собак?

– Рорк – постоянный герой новостей, – терпеливо объяснил Фини. – Он владеет одной из лучших в мире коллекций картин. И антиквариата, – добавил он, заметив интерес в глазах Евы. – Кстати, имеет разрешение коллекционировать оружие. И, по слухам, умеет его применять.

– Придется его навестить.

Фини снова присвистнул.

– Если увидишь его на расстоянии мили, считай, тебе уже повезло.

– Значит, мне повезет. – Ева занялась осмотром трупа.

– У этого типа могущественные друзья, Даллас. Пока не раздобудешь солидных улик, нельзя допустить малейшую утечку информации о том, что он в этом деле.

– Сам знаешь, Фини, меня излишне предупреждать. – Она хотела улыбнуться, но вдруг напарила что-то между холодным телом и окровавленной простыней. – Что это под ней? – Ева осторожно высвободила руку. – Записка! – сказала она вполголоса.

Отколупнув запекшуюся кровь, она развернула листок.

ОДНА ИЗ ШЕСТИ

– Смотри-ка, написано от руки, – сказала она, протягивая послание Фини. – А наш подопечный еще умнее и наглее, чем мы думали! Судя по всему, это только начало.

...Все утро Ева занималась делом, которое обычно выполняли желторотые подручные: лично опрашивала соседей жертвы и записывала их показания. Взглянув на часы, она обнаружила, что не успевает даже заскочить в бистро, и купила сандвич в том самом передвижном ларьке, который едва не опрокинула, спеша на вызов. После тяжелой ночи и хлопотного утра она не удивилась, что регистраторша салона «Парадиз» бросила на нее взгляд, обычно адресуемый обитательницам помоек.

В вестибюле самого шикарного салона города журчали водопады, звучала приглушенная музыка, шелестела листва. Клиенток, ожидающих своей очереди, обносили черным кофе в крохотных чашечках и высокими узкими бокалами с содовой или шампанским. К услугам желающих имелись наушники, подборка модных дисков и последних популярных журналов.

Регистраторша обладала роскошным бюстом и выглядела впечатляюще, поскольку была призвана всем своим видом подтверждать, что в салоне творят чудеса. На ней было коротенькое платьице фирменного красного цвета, голову венчала невероятная прическа из белоснежных локонов, уложенных в виде клубка змей. Ева от души наслаждалась этим зрелищем.

– Простите, – произнесла регистраторша бесцветным компьютерным голосом, – мы обслуживаем по предварительной записи.

– Не беда. – Ева улыбнулась, не без удовольствия возвращая этот живой монумент с небес на землю. – Вот моя запись, – она показала значок. – Кто работает с Шерон Дебласс?

Регистраторша испуганно оглядела восседающих в зале дам.

– Мы гарантируем клиенткам полную конфиденциальность!

– Не сомневаюсь. – Ева по-свойски оперлась на причудливо изогнутую стойку и высмотрела на монументальной груди скромную табличку с именем. – Учтите, Дениза, я могу поговорить с вами спокойно и вежливо. Но могу и повысить голос, чтобы нас все услышали. Если вам больше нравится первое, отведите меня в тихий укромный кабинетик, чтобы не тревожить уважаемых клиенток, и пришлите мне косметолога Шерон Дебласс. Или вы называете своих работников как-то иначе?

– Консультантами, – выдохнула Дениза. – Прошу следовать за мной.

– С удовольствием.

Это действительно было изысканным удовольствием: подобную роскошь Еве доводилось видеть только в кино и на видео. Ноги по щиколотку тонули в мягком красном ковре, с потолка свисали излучающие волшебный свет хрустальные капли, воздух был насыщен ароматами цветов и ухоженной плоти.

При всем желании Ева не смогла бы представить себя одной из тех женщин, что пропадают здесь часами, позволяя себя умасливать, массажировать, что-то наращивать, что-то убирать и выравнивать. Но если бы она решила уделить время подобной ерунде, то предпочла бы заняться этим именно в такой современной обстановке, как здесь.

Регистраторша привела ее в уютную комнату, одна из стен которой была занята голограммой летнего луга. Слух ублажало негромкое птичье пение, лицо ласкал легкий ветерок.

– Будьте добры, подождите здесь.

– С радостью.

Дождавшись, пока закроется дверь, Ева с облегчением опустилась в глубокое мягкое кресло. В ту же секунду рядом с креслом загорелся монитор, и физиономия, источающая дружеское участие, расплылась в услужливой улыбке.

– Добрый день! Добро пожаловать в «Парадиз». Наша единственная забота – ваша красота и удобство. Если желаете освежиться в ожидании вашего личного консультанта, нажмите клавишу «С» и обозначьте свой выбор.

Ева восхищенно покачала головой. Посвятив две минуты изучению ассортимента, она сузила рамки выбора до двух сортов кофе – «Французская Ривьера» и «Карибский крем», но тут дверь открылась, и она утратила всякий интерес к кофе. Перед ней предстало раздетое пугало!

Поверх ядовито-зеленой рубашки и брючек цвета перезрелой сливы был накинут фирменный красный халат. Длинные волосы, обрамляющие изможденное лицо, были одного оттенка со штанами. Пугало протянуло Еве руку и, поприветствовав едва ощутимым пожатием, устремило на нее томный взгляд оленых глаз.

– Простите, мэ. В чем, собственно, дело?

– Мне нужна информация о Шерон Дебласс. – Ева показала молодому человеку свой значок.

– Лейтенант Даллас, вы, надеюсь, осведомлены, что информация о наших клиентах строго конфиденциальна? «Парадиз» дорожит своей репутацией: мы соблюдаем тайну и высочайшее качество обслуживания.

– А вы, надеюсь, осведомлены, что я могу явиться к вам с ордером, мистер...

– Себастьян, просто Себастьян. – Он махнул узкой рукой, унизанной кольцами. – Я не подвергаю сомнению ваши полномочия, лейтенант. Но не могли бы вы в общих чертах объяснить, в чем, собственно, дело?

– Я расследую убийство Шерон Дебласс. – Ева заметила, как он побледнел от неожиданности. – Вся прочая информация, которой я обладаю, разглашению не подлежит.

– Убийство?! Боже правый, наша восхитительная Шерон мертва?! Это какая-то ошибка! – Себастьян рухнул в кресло, откинул голову и прикрыл глаза рукой, сверкнув многочисленными кольцами.

Ева села рядом с ним и включила диктофон.

– Расскажите о Шерон.

– О, это чудесное создание! Потрясающая внешность, внутренняя глубина... Боже, я до сих пор не могу поверить! Шерон обладала безупречным вкусом. А какая щедрая душа, какой проницательный ум! – Он окинул Еву кротким взглядом. – Я видел ее всего два дня назад.

– В салоне?

– Она еженедельно проводила здесь по полдня. Раз в две недели – полный день. – Себастьян промокнул глаза краем бледно-желтого шейного платка. – Шерон очень заботилась о своей внешности.

– При ее деятельности это необходимо, – сухо заметила Ева.

– Естественно. Но должен сказать, что работала она только ради удовольствия. При таком происхождении у нее не было нужды в деньгах. Ей просто нравился секс.

– В том числе и с вами?

Его утонченное лицо сморщилось, розовые губы обиженно скривились.

– Я был ее консультантом, доверенным, другом! – укоризненно проговорил Себастьян и небрежно перекинул платок через плечо. – Мы оба поступили бы неосмотрительно и непрофессионально, если бы стали партнерами по сексу.

– Вы не испытывали к ней сексуального влечения?

– К ней нельзя было не испытывать сексуального влечения! Она... от нее веяло сексом, как от других веет дорогими духами! Господи! – Он театральным жестом прижал ладонь ко лбу. – Теперь это в прошлом. Не могу поверить: мертва! Убита... – Он покосился на Еву. – Вы сказали, что она убита?

– Да.

– Она жила в отвратительном районе, – угрюмо произнес Себастьян. – Но никому не удавалось уговорить ее переехать в более приличное место. Ей нравилось так жить, нравилось дразнить свою аристократическую семейку.

– Она не ладила с родными?

– Это еще мягко сказано! Она обожала их шокировать. Шерон была бесконечно свободна, а они – воплощение стандартности. – Судя по его тону, стандартность он считал еще большим грехом, чем убийство. – Ее дед постоянно вносит законопроекты о запрете проституции. Можно подумать, опыт прошлого не доказал, что такие вещи лучше регулировать – так безопаснее и для здоровья населения, и по части уровня преступности. Вообще ее дед – страшный консерватор. Он выступает против регулирования рождаемости, изменения пола, ратует за запрет на владение огнестрельным оружием... Дай ему волю, нас отбросило бы в девятнадцатый век! При этом сам он коллекционирует старинные ружья, мечи и кинжалы.

Ева насторожилась.

– Сенатор – владелец коллекции оружия?

– Оружие – его конек. Шерон рассказывала, что у него полно этих зловещих антикварных штук.

– Она не говорила вам о своих врагах, о каких-нибудь недовольных клиентах?

– О врагах? О нет! У Шерон были десятки друзей. Она притягивала людей, как... – Он замялся, подыскивая подходящее сравнение, и снова промокнул глаза краем платка. – Как благоуханный экзотический цветок! Что касается клиентов, то все они, насколько мне известно, были ею довольны. Она тщательно их отбирала. Все ее сексуальные партнеры должны были соответствовать определенным требованиям: внешность, интеллект, порода, умение... Я бы сказал, Шерон нравилось заниматься сексом во всех его формах. Ей была присуща изобретательность.

Ева подумала, что недаром в квартире Шерон хранились весьма выразительные игрушки: бархатные наручники, хлысты, ароматные масла, галлюциногены. А ознакомившись с ее видео-

кассетами, Ева была потрясена: она увидела такое, от чего даже ей, многое повидавшей, стало не по себе.

– У нее была с кем-либо постоянная связь?

– Претенденты время от времени появлялись, но Шерон быстро утрачивала к ним интерес. В последнее время я слышал от нее про Рорка. Она встретила его на каком-то приеме и увлеклась. Кстати, вечером того дня, когда Шерон в последний раз была у меня на консультации, они должны были ужинать вместе. Ее потянуло на экзотику: ужин в Мексике!

– В Мексике? Позапрошлым вечером они вместе были в Мексике?

– Да. И она, судя по всему, придавала этому ужину большое значение. Я сделал ей оригинальную прическу – уложил волосы на цыганский манер, позолотил кожу на всем теле. Ярко-красный лак на ногти, татуировка в виде очаровательной краснокрылой бабочки на левую ягодицу, суточная несмываемая косметика на лицо... Восхитительный вид! – Он с трудом сдерживал рыдания. – На прощание она поцеловала меня и сказала, что на этот раз, кажется, по-настоящему влюбилась. «Пожелай мне удачи, Себастьян!» – попросила она перед уходом. Это были последние слова, которые я от нее слышал.

2

«Спермы не обнаружено!» Читая отчет, Ева выругалась. Если жертва даже и переспала с убийцей, то примененное ею противозачаточное средство мгновенно убило сперматозоиды и бесследно уничтожило их не позднее тридцати минут после семяизвержения.

Телесные повреждения не позволили с точностью определить, произошло ли совокупление. Убийца растерзал свою жертву – то ли усматривая в этом некий символ, то ли ради собственной безопасности.

Ни спермы, ни крови, кроме крови самой убитой, – словом, ничего, по чему можно было бы установить ДНК.

Судмедэксперты не нашли ничьих отпечатков пальцев: ни жертвы, ни прислуги, навещавшейся в квартиру раз в неделю, ни тем более предусмотрительного убийцы. Эксперты обследовали все поверхности, включая поверхность орудия убийства, но результатов не было.

Всю надежду Ева возлагала теперь на записи камер наблюдения, которые просматривала сейчас на своем компьютере.

Комплекс «Горэм». Лифт А. 06.00 – утро накануне убийства.

Это время Еву не особенно интересовало, и она включила ускоренный просмотр. Семь, восемь, девять утра... Первый раз дверь лифта открылась в полдень. Ева уменьшила скорость и нетерпеливо шлепнула ладонью по монитору, недовольная качеством изображения. Какой-то низенький нервный субъект ехал на пятый этаж.

Вот хитрец! Субъект поправил воротник, сунул в рот мятную конфетку для свежести дыхания. Скорее всего, чей-то муж и отец двоих детишек, обладатель надежного рабочего места, урывающий раз в неделю платное удовольствие...

Субъект вышел из лифта в пять, и Ева вновь нажала клавишу ускоренного просмотра.

На протяжении нескольких часов события развивались вяло. Редкие проститутки шмыгали по вестибюлю или устало возвращались домой с полными сумками. Немногочисленные клиенты – приход, уход. Часов в восемь стало поживленнее. Жильцы дома покидали квартиры, отправляясь куда-то на ужин, посетители торопливо пересекали вестибюль, не желая опаздывать к назначенному сроку.

В десять вечера в кабину лифта вошла элегантная пара. Женщина позволила мужчине распахнуть ее меховую шубку, под которой не оказалось ничего из одежды, только голое тело с татуировкой в виде розы: стебель рос из промежности, цветок касался лепестками левого соска. Пока лифт поднимался на восемнадцатый этаж, мужчина совершал действия, запрещенные в общественных местах: осыпал женщину поцелуями и ласками. Потом она запахла шубу, и они вышли, продолжив разговор.

Ева сделала себе пометку: допросить мужчину – соседа или, возможно, партнера убитой.

В 12.05 Ева зафиксировала мимолетную помеху. Сбой наверняка остался бы незамеченным, если бы не новое время в кадре – 02.46.

Два часа сорок одна минута прошли без записи!

Тот же дефект обнаружился на пленке камеры, установленной над коридором восемнадцатого этажа. Почти трехчасовая дыра!

Прихлебывая остывший кофе, Ева ломала голову над этой загадкой. Итак, неизвестный разбирается в системах безопасности, знаком с планировкой здания, знает, как добратся до камер и отключить запись. К тому же он не очень торопился: согласно данным вскрытия, смерть наступила в два часа ночи. Прежде чем совершить убийство, он провел в обществе жертвы около двух часов, а в обществе трупа он пробыл еще час. И при этом не оставил следов...

Шустрый малый!

Если в компьютере Шерон Дебласс существовала запись о полуночном свидании, стертой оказалась и она. Значит, этот человек был достаточно хорошо с ней знаком, чтобы запросто добраться до ее файлов.

Инстинкт подсказал Еве дальнейшие действия. Следующий ее запрос гласил: «Комплекс «Горэм», Бродвей, Нью-Йорк. Владелец». При появлении на экране ответа она прищурилась.

Комплекс «Горэм» принадлежит «Рорк Индастриз», Пятая авеню, 500. Рорк, президент и генеральный директор. Нью-йоркский адрес: Централ-Парк-Вест, 222.

– Рорк... – пробормотала Ева. – Опять этот Рорк...

«Рорк. Все данные, визуальное изображение, распечатка», – быстро запросила она.

Не обращая внимания на писк сотового телефона, Ева, прихлебывая кофе, читала:

Рорк – имя неизвестно – родился в Дублине, Ирландия. Личный номер 33492-ABR-50. Родители неизвестны. Семейное положение – холост. Президент и генеральный директор «Рорк Индастриз». Компания действует в Нью-Йорке, Чикаго, Лос-Анджелесе, Дублине, Лондоне, Бонне, Париже, Франкфурте, Токио, Милане, Сиднее. Направления: импорт-экспорт, перевозки, шоу-бизнес, промышленное производство, фармацевтика, транспорт. Капитал оценивается в три миллиарда восемьсот миллионов.

«Деловой мальчик», – подумала Ева, читая на мониторе этот внушительный список.

«Образование», – затребовала она.

Неизвестно.

«Судимости».

Информация отсутствует.

«База данных на Рорка, Дублин».

Дополнительные сведения отсутствуют.

– Вот черт! Просто мистер Загадка!

«Описание и портрет».

Рорк. Брюнет, глаза голубые, рост 6 футов 2 дюйма, вес 173 фунта.

Ева нетерпеливо ждала, пока компьютер закончит словесное описание: изображение в данном случае стоило многих сотен слов.

И вот наконец Рорк смотрел на нее с монитора. Он был невероятно, до невозможно-сти красив: узкое лицо с правильными чертами, слегка выступающие скулы, выразительный, крупно очерченный рот. Компьютер справедливо назвал его брюнетом, но, конечно, не сказал, как густы его волосы, зачесанные назад и почти достающие до плеч, какой у него высокий лоб. Рорк действительно был голубоглаз, но этого определения было мало, чтобы передать глубокий, почти синий цвет его глаз и притягательную силу его взгляда.

Даже по картинке можно было понять, что этот человек умеет добиться всего, что захочет, и использовать завоеванное по своему усмотрению, не считаясь с чувствами окружающих.

Глядя на экран, Ева думала, что такой вполне способен убить, если ему это понадобится. Причем он совершил бы убийство хладнокровно и методично, без эмоций.

Вынимая дискету, Ева решила, что с Рорком надо побеседовать. И как можно скорее!

К тому времени, когда Ева покинула участок, серое небо словно прохудилось, стал сыпать мелкий снег. Она обреченно похлопала себя по карманам и убедилась, что оставила перчатки дома. Так, с непокрытой головой, с голыми руками, в одной кожаной куртке, плохо защищавшей от злого ветра, она добралась до своей машины и покатила домой.

Ева давно собиралась отремонтировать машину, но все не находила времени. Зато сейчас у нее времени было более чем достаточно, чтобы об этом пожалеть: продираясь сквозь пробки,

она тряслась от холода и кляла неработающую систему обогрева. Ева дала себе слово, что если доберется до дома, не превратившись в сосульку, то первым делом обратится к механику.

Но дома первая ее мысль была о еде. Уже отпирая дверь, она мечтала о тарелке горячего супа, о горке чипсов, если они еще не кончились, и о чашке кофе – хорошего настоящего кофе, а не безвкусного пойла.

Конверт Ева увидела тут же – он лежал на полу у самой двери. В следующую секунду она уже сжимала в руке оружие. Обшаривая квартиру тревожным взглядом, она пинком ноги захлопнула за собой дверь и, не поднимая конверта, первым делом обошла комнаты, чтобы удостовериться, что ее не ждет непрощенный посетитель.

Только тогда, убрав оружие в кобуру, сняв куртку и отбросив ее в сторону, она подняла конверт за самый краешек. На нем не было ни надписи, ни какой-либо пометки. Ева отнесла конверт в гостиную, которая служила ей и кабинетом, аккуратно распечатала, вынула кассету и вставила в видеомэгнитофон.

Мысли о еде покинули ее в первую же секунду.

Изображение было высочайшего качества – так же как и звук. Ева медленно села, не сводя глаз с экрана.

Обнаженная Шерон Дебласс нежилась на бескрайней кровати, шурша атласными простынями. Покачиваясь на матрасе, она запустила пальцы в роскошную гриву темно-рыжих волос.

– Хочешь чего-нибудь особенного, дорогой? – Шерон встала на колени, подперла ладонями груди и провела языком по губам. – Лучше иди сюда. Займемся этим снова. – Она опустила глаза и по-кошачьи улыбнулась. – Как я погляжу, ты более чем готов! – Она со смехом откинула волосы назад. – А-а, нам захотелось поиграть? Только не делай мне больно. – Шерон изогнулась всем телом и задрожала, в глазах ее горело возбуждение. – Я сделаю все, что ты захочешь. Все! Иди сюда и возьми меня силой. Я этого хочу. И все время держи меня на мушке своего пистолета! Я этого хочу. Я хочу, чтобы ты...

От грохота выстрела Ева подскочила на месте. Ее чуть не вырвало от этого зрелища: женщина упала, как сломанная кукла, из дыры во лбу хлынула кровь. Второй выстрел был уже меньшей неожиданностью, но Еве все равно пришлось сделать над собой усилие, чтобы не отвернуться от экрана. После третьего выстрела наступила тишина, нарушаемая только тихой музыкой и дыханием. Дыханием убийцы.

Камера пришла в движение, демонстрируя труп во всех мерзких подробностях. А потом Ева увидела Шерон Дебласс такой, какой нашла утром, – распластанной на окровавленной простыне. По кадру шла надпись:

ОДНА ИЗ ШЕСТИ.

Когда Ева просматривала кассету во второй раз, ей уже удалось взять себя в руки. Она заметила легкое дрожание камеры после первого выстрела, уловила тихий вздох. Она вслушивалась в каждый звук, присматривалась к каждому движению, надеясь найти ключ к разгадке. Но преступник был необычайно умен...

Самое отвратительное – он сам прекрасно знал, что дьявольски умен! Ему захотелось похвастаться перед ней своим умом, своим хладнокровием. Захотелось дать ей понять, что и он знает, где ее искать, что и она нигде не сможет от него укрыться...

Злясь на свои руки за неуместную дрожь, Ева встала и, забыв про кофе, налила себе вина. «Надо бы на всякий случай держать в доме виски», – подумала она, быстро выпила вино и набрала номер телефона своего непосредственного начальника.

На звонок ответила жена майора Уитни, которую Ева, очевидно, оторвала от традиционного званого ужина.

– Миссис Уитни, простите, что отвлекаю, но мне необходимо переговорить с шефом.

– У нас гости, лейтенант.

– Понимаю, мэм, и приношу свои извинения. – Ева заставила себя вежливо улыбнуться. – Но это очень срочно.

– Как всегда...

Ева ждала шефа целых три минуты. К счастью, телефонная система не пыталась скрасить ей ожидание надоедливой музыкой или сводкой новостей.

– Даллас?

– Мне необходимо направить вам кодированное сообщение, сэр.

– Что, дело действительно срочное, Даллас? Боюсь, жена устроит мне веселую жизнь...

– Да, сэр.

«Полицейским лучше оставаться холостыми», – в который раз подумала она, нажимая на нужные клавиши.

Ей пришлось некоторое время подождать. Когда Уитни снова подошел к телефону, он был мрачен.

– Откуда вы это взяли?

– Нашла на полу у себя в квартире, когда вернулась из участка. – Она старалась не выдать голосом своего смятения. – Он знает, кто я, где живу и чем занимаюсь.

Уитни помолчал.

– В моем кабинете, в семь ноль-ноль. Захватите кассету, лейтенант.

– Будет исполнено, сэр.

Положив трубку, Ева, повинувшись инстинкту, сделала две вещи: скопировала кассету и налила себе еще вина.

...Она проснулась в три часа ночи, дрожа, обливаясь потом, ловя ртом воздух, тщетно пытаясь закричать. Хрипя, она дотянулась до лампы на прикроватном столике: кошмары особенно ужасны в темноте.

Содрогаясь всем телом, Ева откинулась на подушки. Этот кошмар был хуже, несравненно хуже, чем все, что снились ей раньше!

Да, она его убила. Но разве у нее был выбор? Он слишком накачался наркотиками, чтобы можно было просто оглушить его. О да, она пыталась, но он продолжал на нее наступать, сверкая обезумевшими глазами и окровавленным ножом, зажатым в кулаке.

Девочка уже была мертва. Ева оказалась не в силах этому помешать. Ведь правда, милостивый боже, она не могла ее спасти?!

Разрубленное на куски тельце, надвигающийся на нее безумец с окровавленным ножом... Обжигающий взгляд, смертельный выстрел – и он падает как подкошенный.

Только этим дело не кончилось! О нет, в этот раз не кончилось. В этот раз он не упал, а сделал шаг, еще, еще... Она ждала его, обнаженная, стоя на коленях на атласной простыне. Нож превратился в кремневый пистолет, а мужчина – в человека, чью фотографию она изучала несколькими часами раньше наяву. В человека по имени Рорк.

Он улыбался, и она хотела его! Ее тело извивалось от страха и желания. Потом он выстрелил в нее: в голову, в сердце, между ног.

И все это время несчастная малышка напрасно зывала о помощи...

Не имея сил бороться с наваждением, Ева перевернулась на живот, прижалась лицом к подушке и разрыдалась.

– Доброе утро, лейтенант.

Ровно в семь утра майор Уитни жестом предложил Еве присесть. Несмотря на то что он занимал этот кабинет уже двенадцать лет – а может, именно благодаря этому, – у него был острый глаз. От него не укрылось, что она плохо выспалась и тщетно попыталась скрыть это косметикой.

Ева молча протянула ему конверт с кассетой. Уитни мельком взглянул на конверт и положил его на середину стола.

– Правила требуют, чтобы я спросил, не желаете ли вы, чтобы вас отстранили от этого расследования. – Он подождал несколько секунд, но Ева молчала. – Что ж, будем считать, что формальность исполнена.

– Так точно, сэр.

– Ваша квартира надежно охраняется, Даллас?

– Я считала, что надежно, до вчерашнего вечера. – Она вынула из портфеля папку. – Вчера после разговора с вами я проверила систему охраны и обнаружила пропажу десяти минут. В моем рапорте вы прочтете, что убийца умеет выводить из строя охрану, разбирается в видео, в редактировании и, разумеется, в антикварном оружии.

Уитни взял ее рапорт и отложил в сторону.

– Это не слишком сужает список подозреваемых?

– Не слишком, сэр. Мне предстоит допросить множество людей: ведь, поскольку преступник обладает особыми навыками, электронное наблюдение мало чем может помочь. Убийца отлично умеет замечать следы – у нас нет никаких улик, кроме пистолета, который он умышленно оставил на месте преступления. Фини не смог определить владельца по обычным каналам. Мы вынуждены заключить, что пистолет приобретен на черном рынке. Я сейчас работаю с файлами Шерон Дебласс и расписанием встреч, но знакомых у нее видимо-невидимо. Это потребует времени.

– Время – одна из ключевых проблем в этом деле, лейтенант! Не забывайте: «Одна из шести». Какие у вас соображения по поводу его записки?

– Он наметил еще пять жертв и хочет, чтобы мы это знали. Ему нравится не только убивать, но и находиться в центре внимания. – Она перевела дух. – Конечно, это пока что неполный психологический портрет. Мы не можем сказать, надолго ли ему хватит удовлетворения от первого убийства, скоро ли ему понадобится следующая жертва. Может, через год, а может, уже сегодня. В любом случае мы не должны возлагать надежды на его оплошность.

Уитни чуть заметно кивнул.

– Вы не прошли проверку в связи с летальным исходом после законного применения силы. Есть какие-нибудь проблемы, лейтенант?

Окровавленный нож, маленькое истерзанное тельце у ее ног...

– С этим я справлюсь сама.

– Выше голову, Даллас! Надеюсь, вы не начали сомневаться в том, что имеете право использовать личное оружие? Не забывайте, что вам предстоит иметь дело с человеком, который не остановится ни перед чем.

– Я знаю, сэр.

– Да, вот еще что... Вы готовы к политическим играм? – Уитни скривил губы. – Скоро предстанете перед сенатором Деблассом. Вчера вечером он прилетел в Нью-Йорк.

– В дипломатии я, признаться, не слишком сильна...

– В таком случае придется потренироваться. Он хочет побеседовать с офицером, ведущим расследование, и сегодня утром мне сообщили, что начальник полиции города дал санкцию. – Уитни вздохнул. – Вы обязаны оказывать сенатору всяческое содействие.

– Расследование проводится по пятой категории, – отчеканила Ева. – Мне все равно, кто приказывает, хоть сам господь бог! Я не буду сообщать конфиденциальные сведения гражданскому лицу.

Уитни широко улыбнулся. У него было хорошее простое лицо, и, когда он позволял себе искреннюю улыбку, сочетание белоснежных зубов и кожи шоколадного цвета делало его совершенно неотразимым.

– Будем считать, что я этого не слышал. А вы не слышали совета, который я сейчас дам: ограничиться при разговоре с сенатором самыми поверхностными фактами. А теперь внимание, лейтенант Даллас: этот джентльмен из Виргинии – самодовольный, надутый осел! К сожалению, этот осел наделен властью, так что глядите в оба.

– Слушаюсь, сэр.

Уитни посмотрел на часы и убрал папку и кассету в сейф.

– У вас еще есть время выпить чашечку кофе. Между прочим, лейтенант, – добавил он, когда Ева поднялась, – если у вас проблемы со сном, не пренебрегайте снотворным. Мне нужны бодрые подчиненные.

– Я вполне бодр.

...То, что сенатор Джералд Дебласс самодоволен, Ева поняла сразу. Еще меньше приходилось сомневаться в его надутости. А проведя несколько минут в его обществе, она пришла к выводу, что имеет дело с полным ослом.

Вернее, не с ослом, а с быком, не пожелавшим даже присесть, войдя в кабинет майора Уитни. Росту в нем было шесть футов, весу – все двести двадцать фунтов. Седые волосы сенатора были пострижены коротко и уложены волосок к волоску, так что голова казалась огромным гладким снарядам. Все на его лице – брови, нос, рот – поражало величиной.

Руки у сенатора тоже были большие. При коротком рукопожатии Ева обратила внимание, что кожа на его ладони гладкая, как у младенца.

Сенатор притащил с собой помощника и представил его как Деррика Рокмена. Этот подтянутый субъект лет сорока был сдержан, аккуратен, одет с иголочки – костюм в полоску и классический темно-синий галстук. У него было спокойное лицо с правильными чертами и тщательно выверенные движения. Он помог разъяренному сенатору снять толстое шерстяное пальто.

– Ну, вы что-нибудь сделали, чтобы найти чудовище, убившее мою внучку? – осведомился Дебласс.

– Все, что смогли на этот момент, сенатор. – Уитни тоже остался стоять, поскольку Дебласс предпочитал вышагивать по кабинету, как по галерее Сената в Вашингтоне.

– Прошло уже больше суток! – пророкотал Дебласс. – Почему вы поручили расследование всего двоим вашим сотрудникам?

– Из соображений безопасности, сенатор, – нахмурился Уитни и добавил: – Эти двое – мои лучшие люди. Ответственная за расследование – лейтенант Даллас. Она докладывает лично мне.

Дебласс перевел жесткий взгляд своих черных глаз на Еву.

– Чего вы добились?

– Нашли оружие убийства, определили время. Сейчас мы собираем улики и допрашиваем жильцов здания, а также работаем со списком личных и... деловых знакомых Шерон Дебласс. Я реконструирую последние сутки ее жизни.

– Любому дураку понятно, что ее убил кто-то из клиентов! – прошипел сенатор.

– На протяжении нескольких часов, предшествовавших убийству, у нее не было назначено никаких встреч. У последнего из клиентов – стопроцентное алиби.

– Уничтожьте его! – прорычал Дебласс. – Человек, согласный оплачивать сексуальные услуги, вполне способен на убийство!

Ева не улавливала связи между этими двумя способностями, однако, памятуя предупреждение начальника, согласно кивнула:

– Я работаю над этим, господин сенатор.

– Мне нужны копии ее записных книжек!

– Увы, сенатор, это невозможно, – спокойно проговорил Уитни. – Все улики, относящиеся к столь тяжкому преступлению, являются конфиденциальными.

Дебласс пренебрежительно фыркнул и кивнул Рокмену.

– Прошу, майор. – Рокмен достал из нагрудного кармана лист бумаги с печатью. – Настоящим документом начальник полиции предписывает предоставлять сенатору Деблассу доступ ко всем уликам и прочим следственным материалам по делу об убийстве мисс Дебласс.

Мельком взглянув на предписание, Уитни отложил его в сторону. Он всегда считал закулисные игры недостойным занятием и терпеть не мог, когда его в это втягивали.

– Я переговорю со своим начальством лично. Если предписание будет подтверждено, мы передадим вам все необходимые материалы к середине дня. Но хочу предупредить вас, сенатор: конфиденциальность – главное в процессе расследования. Если вы будете настаивать, это повредит делу.

– Но дело касается лично меня! Убита моя внучка!

– Тем более вы должны быть прежде всего заинтересованы в том, чтобы помочь нам передать убийцу в руки правосудия.

– Я служу делу правосудия уже больше пятидесяти лет, не вам меня учить! Эта информация нужна мне к полудню. – Он схватил могучей рукой пальто. – И учтите: если я решу, что вы не предпринимаете всего возможного для поимки маньяка, вас немедленно отстранят от должности! – Он повернулся к Еве. – А вам, лейтенант, в этом случае останется заниматься подростками, ворующими сладости в магазинах.

Когда сенатор скрылся за дверью, Рокмен сказал, придав своему взгляду выражение кротости:

– Вы должны его извинить. Он убит горем. Какими бы натянутыми ни были его отношения с внучкой, семья для сенатора – это святое. Ее смерть, да еще такая бессмысленная, жестокая, для него огромный удар.

– Я бы не сказала, что сенатор производит впечатление человека, который едва стоит на ногах от горя, – негромко заметила Ева.

Рокмен пожал плечами и проникновенно улыбнулся.

– Гордые люди часто маскируют свое горе агрессивностью. Мы нисколько не сомневаемся в ваших способностях и профессионализме, лейтенант. Итак, майор, мы ждем материалы сегодня днем. Благодарю.

– Ишь, какой обтекаемый! – сказала Ева, стоило Рокмену затворить за собой дверь. – Надеюсь, вы им не дадите записные книжки, господин майор?

– Я дам им все, что меня вынудят дать! – Уитни еле сдерживал гнев. – А вы постарайтесь раздобыть что-нибудь новенькое.

Полицейская рутина часто скучна и утомительна. После пяти часов изучения на компьютерном мониторе данных о людях из записных книжек Шерон Дебласс Ева так обессилела, словно пробежала марафонскую дистанцию. А ведь ей еще предстояло побеседовать с каждым из них!

Фини взвалил часть этой работы на себя, но даже при его опыте и отличном оборудовании быстро проверить ее вдвоем им было не под силу. Шерон пользовалась слишком большой популярностью.

Связываясь с клиентами убитой, Ева помнила, что обходительностью можно добиться больше, чем грубым напором. Те, кому не нравилось отвечать на вопросы по телефону, рисковали вызовом в управление полиции по обвинению в препятствовании правосудию.

К середине дня она лично пообщалась с первой дюжиной из списка клиентов, после чего отправилась допрашивать соседей Шерон.

Ближайшим соседом оказался тот самый элегантный мужчина из лифта по имени Чарлз Монро. Ева застала его дома: он принимал клиентку. Стоя перед незваной гостьей в черном шелковом халате и источая запах соблазна, Чарлз обворожительно улыбался.

– Прошу меня простить, лейтенант. Сеанс заканчивается через четверть часа, и если вы...

– Я подожду. – Не дожидаясь приглашения, Ева прошла в квартиру.

В отличие от жилища Дебласс она была обставлена довольно старомодно: глубокие кожаные кресла и мягкие ковры.

– Видите ли... – Чарлз оглянулся на предусмотрительно прикрытую дверь в конце недлинного коридора. – Главное в моем ремесле – приватность и конфиденциальность. Клиентка вправе выразить неудовольствие, обнаружив у меня полицию.

– Не волнуйтесь. Где кухня?

Он тяжело вздохнул:

– Прошу сюда. Устраивайтесь, я скоро.

– Можете не торопиться.

Ева прошла в кухню. Здесь царила спартанская обстановка, контрастировавшая с изысканным уютом жилых помещений. Видимо, Чарлз тратил мало времени на еду. Тем не менее в кухне стоял огромный холодильник, в котором она нашла запасы пепси. Пока что этого было достаточно. Ева уселась и приготовилась ждать, пока Чарлз выпроводит клиентку.

Довольно скоро до нее донеслись негромкие голоса и смех – мужской и женский. Чуть погодя вошел Чарлз, улыбаясь уже знакомой ей улыбкой.

– Простите, что заставил вас ждать.

– Ничего. У вас назначена встреча с кем-нибудь еще?

– Только вечером. – Он взял себе пепси, открыл бутылку и перелил содержимое в высокий стакан. – Ужин, опера, романтический вечер...

– Вы любите оперу? – удивленно спросила она, заметив его усмешку.

– Ненавижу! Что может быть скучнее воплей грудастой особы по-немецки, да еще на протяжении целого вечера?

Подумав, Ева согласилась, что ничего.

– Увы, о вкусах не спорят. – Чарлз присел рядом с ней у окна и перестал улыбаться. – Я узнал о гибели Шерон из утренних новостей и не сомневался, что полиция ко мне заглянет. Ужасно! Не могу поверить, что ее больше нет.

– Вы хорошо ее знали?

– Мы соседствовали больше трех лет, иногда вместе работали. Если моей гостье или ее клиенту хотелось составить трио, мы объединяли усилия.

– А помимо дела?

– Шерон была красивой женщиной и находила меня привлекательным мужчиной. – Он повел плечами, обтянутыми шелковым халатом. – Если у одного из нас появлялось настроение порезвиться где-нибудь на природе, другой, как правило, шел навстречу... Но такое случалось редко. Знаете, работник кондитерской быстро утрачивает тягу к шоколаду... Она была мне другом, лейтенант. Я был к ней привязан.

– Можете сказать, где вы находились в ночь ее смерти между полуночью и тремя часами?

Чарлз приподнял брови. Если он и догадывался, что его могут причислить к подозреваемым, то ловко это скрывал. Впрочем, при такой профессии необходим актерский талант.

– Дома, с клиенткой. Она осталась на ночь.

– Так часто бывает?

– Обычно нет. Но эта клиентка предпочитает иметь в своем распоряжении целую ночь. Если вы будете настаивать, лейтенант, я, конечно, назову ее имя, хотя мне бы этого не хотелось. Позвольте, по крайней мере, сперва объяснить ей обстоятельства.

– Вам придется назвать ее имя: расследуется убийство, мистер Монро. Во сколько вы привели к себе клиентку?

– Часов в десять. Мы ужинали в «Миранде» – это кафе на Шестой авеню.

– Ах да, в десять часов...

Чарлз угадал ее мысли.

– Камера в лифте? – Он снова очаровательно улыбнулся. – Вам не кажется, что от этого закона несет нафталином? Наверное, вы могли бы привлечь меня к ответственности, но стоит ли тратить на это время?

– Всякие сексуальные действия в общественных зонах являются судебно наказуемыми проступками, мистер Монро, – строго сказала Ева.

– Лучше Чарлз.

– Это мелочь, конечно, но вас, Чарлз, все равно могли бы лишить лицензии на полгода. Назовите мне клиентку, и мы тихо все уладим.

– Боюсь, вы лишите меня одной из лучших клиенток, – пробормотал он. – Ладно. Дарлин Хоу. Сейчас назову адрес. – Он сходил за электронной записной книжкой и продиктовал название улицы и номер дома.

– Спасибо. Шерон рассказывала вам о своих клиентах?

– Мы дружили. – Чарлз устало пожал плечами. – И, конечно, беседовали на профессиональные темы, причем не всегда соблюдая этику. У нее был кое-какой забавный опыт. Я придерживаюсь более традиционного стиля, а Шерон не чуралась необычного. Иногда мы выпивали вместе по рюмочке, и она болтала. Но никогда не называла имен! У нее для каждого была смешная кличка: Император, Хорек, Малыш и так далее.

– В последнее время ее ничего не беспокоило? Может быть, кто-то из клиентов был склонен к жестокости?

– Она не боялась жестокости. Нет, ее никто не беспокоил: Шерон всегда контролировала ситуацию. Она говорила, что большую часть жизни ею помыкали, и теперь она желает отыграться. О семье всегда вспоминала с горечью. Однажды Шерон призналась, что не собиралась сделать секс своей профессией. Она занялась этим только для того, чтобы разозлить близких. А потом втянулась и обнаружила, что ей это нравится.

Чарлз опять повел плечами и отхлебнул из стакана.

– Убить одним выстрелом двух зайцев – это было ее излюбленное выражение. А в конце концов выстрелы достались ей самой...

– Это точно. – Ева встала и убрала диктофон. – Пока что не покидайте город, Чарлз. Я с вами еще свяжусь.

– Вот, значит, как?

– Увы, но так положено.

Он тоже встал и сказал улыбаясь:

– Для полицейского вы очень приятны в общении, Ева... – Он осторожно провел пальцем по ее руке, а когда она приподняла брови, дотронулся до щеки. – Вы спешите?

– А что?

– У меня есть в распоряжении пара часиков, а вы, надо сказать, чрезвычайно привлекательны. Такие большие лучистые глаза! А эта ямочка на подбородке... Может, забудем на время о внешнем мире?

Он наклонился к ней, теперь их губы разделял какой-то дюйм.

– Вы предлагаете мне взятку, Чарлз? Если это так и если вы хотя бы наполовину отвечаете моим ожиданиям...

– На все сто и даже больше! – Он ухватил зубами ее нижнюю губу, стиснул грудь. – Вы будете приятно удивлены!

– Что ж, в таком случае придется привлечь вас уже не за проступок, а за уголовное преступление! – Чарлз отскочил, теперь он уже не улыбался. – Представляете, как это расстроит нас обоих? – Ева снисходительно потрепала его по щеке. – Впрочем, благодарю за любезное предложение.

Проводив ее до двери, он почесал подбородок.

– Ева!

Она обернулась, держась за дверную ручку.

– Опять?

– Забудьте о взятках. Если вы передумаете, я бы с удовольствием снова с вами увиделся.

– Я дам вам знать, когда передумаю. – Она захлопнула дверь и зашагала к лифту.

Чарлзу Монро ничего не стоило в ту ночь выскользнуть из квартиры, оставив свою клиентку спящей, и навестить Шерон. Сначала немного секса, потом убийство...

Ева задумчиво вошла в лифт. Редактирование видеозаписи? Что ж, будучи жильцом дома, он смог бы запросто это проделать. И назад в постельку, к сонной клиентке...

Ева даже пожалела, что этот сценарий выглядит настолько достоверно: она почему-то почувствовала симпатию к Чарлзу Монро. Впрочем, он, очевидно, просто хороший профессионал... Так или иначе, пока она не проверит его алиби, он будет возглавлять список подозреваемых.

3

Ева ненавидела похороны. Она презирала ритуал, которым люди упорно окружали смерть, – все эти цветы, музыку, потоки слов и слез. Смерть всегда неприглядна, как ее ни украшай.

Если Бог существует – а Ева не полностью исключала эту возможность, – он наверняка изрядно забавляется, наблюдая бессмысленную суету своих чад.

Тем не менее она полетела в Виргинию на похороны Шерон Дебласс. Ей нужно было увидеть родных покойной и ее друзей, собравшихся по такому случаю вместе, понаблюдать за ними, проанализировать свои наблюдения и вынести суждение.

Сенатор стоял на отпевании мрачный, с сухими глазами. Позади помещалась его тень по имени Деррик Рокмен. Рядом с Деблассом были его сын и невестка.

Родители Шерон оказались довольно молодыми, приятными с виду людьми. Ева знала, что они – преуспевающие юристы, недавно открывшие собственную фирму.

Ричард Дебласс стоял, понутив голову и полузакрыв глаза. Он являл собою копию отца, только более поджарый, но при этом менее подвижный. Ева гадала, случайность ли то, что он стоит на равном расстоянии от отца и от жены.

Элизабет Барристер была изящна и элегантна. Темный костюм, блестящие темно-рыжие волосы, гордая осанка. Ева заметила, что она не может унять слез.

Что чувствует мать, потерявшая ребенка? Эта мысль всю жизнь не давала Еве покоя.

Тетка покойной, дочь сенатора Дебласса, стояла по правую руку от него. Кэтрин Дебласс пошла по стопам отца, сделала блестящую политическую карьеру и стала членом Конгресса. Болезненно худенькая, она стояла навывтяжку, как на плацу, с руками-тростинками, прижатыми к бокам. Рядом с ней стоял ее муж, Джастин Саммит, печально смотревший на белоснежный гроб, засыпанный розами. Их сын Франклин, находившийся в неуклюжем подростковом возрасте, беспокойно переступал с ноги на ногу.

У дальнего края церковной скамьи стояла в одиночестве жена сенатора Дебласса Анна. Она не рыдала и даже не смотрела на утопающий в цветах ящик с останками единственной внучки.

На похоронах было много народу. Родители Элизабет стояли рядом, взявшись за руки, и не скрывали слез. Дальняя родня, знакомые и друзья вытирали глаза или просто озирались – кто с любопытством, кто в ужасе. Сам президент прислал своего представителя, и Еве казалось, что в церкви собралось больше политиков, чем в сенатской столовой.

И все-таки среди этого множества людей она сразу увидела Рорка. Он явился один, без всякого сопровождения, и даже если бы в церковь набилось десять тысяч человек, выделялся бы своей независимостью и отчужденностью.

Красивое лицо Рорка не выдавало никаких чувств: ни вины, ни горя, ни любопытства. Казалось, он наблюдает скучное театральное представление, и Ева в глубине души была бы согласна с такой характеристикой похоронного церемониала.

Многие крутили головами, чтобы его разглядеть; одна стройная брюнетка явно пыталась с ним флиртовать, но его реакция была неизменной: он игнорировал присутствующих.

Его можно было принять за бесчувственного человека, ледяную крепость, надежно защищенную от всех и вся. Но Ева догадывалась, что где-то в сердцевине теплится огонек. Для того чтобы еще в молодости осуществить такой стремительный взлет, требуются не только дисциплина и ум. Здесь не обошлось без честолюбия, которое, по ее мнению, было жидким горючим, способным при соответствующих условиях вызвать мощный взрыв.

Пока звучала погребальная мелодия, он смотрел прямо перед собой, потом внезапно, без всякой причины, обернулся и высмотрел на пятом от себя ряду Еву.

Их взгляды встретились, и она невольно поежилась от заряда властности, которым был насыщен его взгляд. Потребовалась вся сила воли, чтобы не заморгать или, того хуже, не отвести глаза. Целую минуту, показавшуюся ей вечностью, они смотрели друг на друга. Потом толпа неожиданно пришла в движение, по проходу потянулись люди, и они потеряли друг друга из виду.

Выбравшись в проход, Ева попыталась снова найти Рорка, но он уже исчез.

Машина, которую Ева наняла в аэропорту, влилась в длинный поток автомобилей и лимузинов, ползущий к кладбищу. Впереди торжественно двигался катафалк и машины членов семьи. Только свято преданные традициям люди по-прежнему предавали тела усопших близким земле.

Нахмурившись, Ева машинально включила диктофон и, барабанив пальцами по рулю, принялась рассуждать вслух. Диктофон был прекрасным собеседником – молчаливым и внимательным.

– Зачем Рорк явился на похороны какой-то шапочной знакомой? – спросила она у диктофона, бесшумно работающего в кармане. – По имеющимся сведениям, они познакомились недавно и единственный раз поужинали вместе. Нелогичный поступок, порождающий множество вопросов.

Ева поежилась, радуясь, что ее никто не подслушивает.

Снова потоки слов и слез, лавина цветов. Воздух был прозрачен, яркие солнечные лучи протыкали его, как кинжалы, но не согревали. У самой могилы Ева засунула руки в карманы: она снова забыла дома перчатки. Длинное темное пальто было с чужого плеча и оказалось совсем не таким теплым, как она надеялась. Ноги в тонких кожаных ботинках потеряли чувствительность от холода.

Впрочем, озноб помогал отвлечься от тоски, навеваемой надгробиями и запахом холодной разрытой земли. Она с трудом дождалась конца речей о вечной жизни и подошла к сенатору.

– Приношу соболезнования вам и вашей семье, сенатор Дебласс.

Взгляд его пронзительных черных глаз был непримирим и царапал, как край надгробного камня.

– От вас, лейтенант, мне нужны не соболезнования, а скорейшее расследование дела!

– Я тоже к этому стремлюсь. Соболезную, миссис Дебласс. – Ева подала руку жене сенатора и пожала ее трясущиеся пальцы.

– Спасибо, что пришли, – прозвучало в ответ.

Вблизи было видно, что Анна Дебласс находится в полуобморочном состоянии и держится на ногах только благодаря транквилизаторам. Взгляд ее скользнул по Евиному лицу и остановился где-то над ее плечом, рука совершила автоматическое перемещение.

– Спасибо, что пришли, – сказала она заученно следующему соболезнующему.

Прежде чем Ева смогла произнести хотя бы еще словечко, кто-то крепко взял ее под руку. Она обернулась и увидела скорбную физиономию Рокмена.

– Лейтенант Даллас, сенатор и его семья благодарят вас за сострадание и присутствие на панихиде. – Он настойчиво повлек ее в сторону. – Надеюсь, вы понимаете, что при столь печальных обстоятельствах, у могилы, родителям Шерон будет трудно разговаривать с полицейским, расследующим убийство их дочери.

Ева позволила ему отвести себя на пять футов, после чего решительно высвободила руку.

– Отдаю вам должное, Рокмен. Вы избрали очень дипломатичный способ предложить мне проваливать подброду-поздорову.

– Вовсе нет! – На его лице сохранялась учтивая улыбка. – Просто это не очень подходящий момент, да и место тоже. Но вы можете рассчитывать на наше всестороннее сотрудни-

чество, лейтенант. Если пожелаете побеседовать с семьей сенатора, я буду счастлив устроить вам встречу.

– Я сама устраиваю свои встречи и сама подбираю для них время и место! – Еву раздражала его безмятежная улыбка, и она постаралась испортить ему настроение. – Давайте начнем с вас, Рокмен. Как насчет алиби на интересующую нас ночь?

Улыбка действительно померкла, и Ева с удовлетворением отметила это. Впрочем, Рокмен быстро собрался с мыслями.

– Не люблю слово «алиби».

– Я тоже, – теперь улыбалась она. – Потому что мое любимое занятие – разрушать чужие алиби. Вы не ответили на мой вопрос, Рокмен.

– Ночь, когда убили Шерон, я провел в Вашингтоне. Мы с сенатором работали допоздна над законопроектом, который он намерен внести в следующем месяце.

– Но ничего не стоит наведаться из Вашингтона в Нью-Йорк, не так ли?

– Действительно, проще некуда. И все же в ту ночь я не был в Нью-Йорке. Мы проработали почти до полуночи, потом я лег спать в доме у сенатора, в комнате для гостей. В семь утра мы вместе позавтракали. Шерон согласно вашему рапорту была убита в два часа ночи. Согласитесь, времени у меня было бы маловато.

– Маловато – еще не значит «совсем не было».

Ева сказала это, только чтобы его позлить. В материалах, переданных Деблассу, не фигурировало информации о препарированных записях охранной системы. Рокмен не мог знать, что убийца явился в «Горэм» до полуночи. Кроме того, он не стал бы прикрываться дедом жертвы, будь его алиби ложным. Раз он работал в Вашингтоне до полуночи, значит, на него как на подозреваемого можно было не рассчитывать.

Потом Ева снова увидела Рорка и стала с любопытством наблюдать, как он шепчет что-то на ухо Элизабет Барристер, упавшей ему на грудь. Сцена не слишком походила на традиционное для похорон общение между чужими людьми.

Она удивилась еще сильнее, когда Рорк провел ладонью по правой щеке Элизабет и поцеловал ее в левую щеку, после чего завел спокойную беседу с Ричардом Деблассом. Следующим на его траектории был сенатор, но контакта не произошло, разговор был короток.

Как Ева и предполагала, Рорка никто не сопровождал: он зашагал в одиночестве по бесцветной зимней траве, мелькая среди холодных монументов, воздвигаемых живыми в память об умерших.

– Рорк!

Он остановился и обернулся. Как во время церковной службы, Ева встретила с ним глазами, и ей показалось, что она уловила в них заинтересованность. Но это выражение быстро пропало, сменившись обычной холодной непроницаемостью.

Она направилась к нему, призывая себя не торопиться. Инстинкт подсказывал ей, что спешащие к Рорку люди – особенно женщины – чересчур привычная, надоевшая ему картина. Она медленно переставляла свои длинные ноги, слыша, как хлопают по замерзшим коленям полы чужого пальто.

– Мне хотелось бы с вами поговорить, – произнесла она, оказавшись с ним лицом к лицу, и продемонстрировала свой полицейский значок, заметив, что он задержал на нем взгляд, прежде чем поднять глаза. – Я расследую убийство Шерон Дебласс.

– Участие в похоронах жертв входит в ваши профессиональные обязанности, лейтенант Даллас?

У него был очень приятный голос с симпатичным ирландским акцентом – прямо-таки подогретый виски с густыми сливками.

– А у вас привычка приезжать на похороны едва знакомых вам женщин, Рорк?

– Я – друг семьи, – ответил он невозмутимо. – А вы совсем замерзли, лейтенант.

Ева засунула посиневшие руки в карманы пальто.

– Вы хорошо знаете семью погибшей?

– Достаточно хорошо.

Рорк наклонил голову, внимательно наблюдая за этим странным полицейским. Еще немного – и она начнет лязгать зубами, а ледяной ветер взъерошит эти небрежно подстриженные волосы, и они закроют ее симпатичную мордашку. Умна, упряма, сексуальна... Целых три причины, чтобы удостоить женщину вторым взглядом!

– Может быть, разговаривать было бы удобнее в тепле?

– Я никак не могла вас найти... – начала она.

– Я был в отъезде. Но теперь вы меня сцапали. Полагаю, вы уже сегодня собираетесь вернуться в Нью-Йорк?

– Да, я спешу на челночный рейс, так что...

– Так что было бы логично вернуться вместе. У вас хватит времени, чтобы зажарить меня с потрохами.

– Просто расспросить, – процедила она сквозь зубы, внезапно рассердившись на него за излишнюю самоуверенность. – Лучше ответьте коротко на пару вопросов прямо сейчас, Рорк, и мы договоримся о более официальной встрече в Нью-Йорке.

– Терпеть не могу зря тратить время, – отозвался он. – По-моему, в этом мы с вами похожи. Вы наняли автомобиль в аэропорту?

– Да.

– Я устрою, чтобы его вернули. – Он протянул руку за ее ключом.

– Это не обязательно. – Ева сделала вид, что не замечает его руки.

– По-моему, так проще. Я ценю трудности, лейтенант, но гораздо больше уважаю простоту. Мы с вами едем в одном направлении примерно в одно и то же время. У вас есть желание со мной поговорить, а у меня – удовлетворить ваше желание. – Он остановился рядом с черным лимузином, в котором сидел шофер в форме. – Я тоже направляюсь в Нью-Йорк. Вы, конечно, можете поехать в аэропорт отдельно от меня, воспользоваться челночным рейсом, позвонить мне в офис и назначить встречу. Но не лучше ли поехать со мной, потом совершить перелет на моем личном самолете и воспользоваться этим временем, чтобы спокойно поговорить?

Немного поколебавшись, Ева достала из кармана ключ и бросила ему на ладонь. Рорк улыбнулся, жестом пригласил Еву сесть в лимузин и дал водителю инструкции относительно ее машины.

– Ну, вот. – Он уселся рядом и взял из держателя фляжку. – Глоточек бренди, чтобы согреться?

– Нет. – Она уже наслаждалась теплом салона и боялась, что совсем раскиснет, если выпьет чего-то спиртного.

– Понял, на работе вы не пьете. Тогда кофе?

– Отлично!

Поблескивая золотым браслетом на запястье, Рорк стал нажимать какие-то кнопки на боковой панели.

– Со сливками?

– Черный.

– У нас одинаковый вкус. – Чуть погодя он отодвинул панель и подал ей фарфоровую чашечку на изящном блюдце. – В самолете выбор побогаче. – Он налил кофе ей и себе.

– Могу представить.

Запах горячего кофе кружил голову. Ева сделала глоток и чуть не застонала от наслаждения. Настоящий, а не подделка из растительного концентрата, которой их потчуют в участке. Натуральный продукт, лучший колумбийский сорт, полный кофеина! Не во всяком магазине достанешь такой.

После второго глотка она едва не разрыдалась.

– Что-то не так? – Рорк наслаждался ее реакцией на угощение: трепетом ресниц, легким румянцем, потемневшими глазами.

Это было очень похоже на восторг женщины, урчащей, как кошка, от поглаживания умелой мужской руки.

– Знаете, как давно я не пробовала такого прекрасного кофе?

– Не знаю, – ответил он с улыбкой.

– И я не знаю. – Ева зажмурилась от наслаждения, снова поднося чашечку к губам. – Вы уж простите, я сейчас не могу работать. Поговорим в самолете.

– Как хотите.

Пока машина неслась, как стрела, по гладкой дороге, Рорк размышлял о своей спутнице. Странно, но сперва он не принял ее за полицейского, хотя обычно инстинкт его не подводил. На похоронах он думал об одном: что за несправедливость, когда смерть настигает такое юное, несмышленое, полное жизни создание, как Шерон!

Потом он почувствовал, как мышцы его внезапно напряглись, горло перехватило. Он обернулся и понял, что это был ее взгляд – материальный, как удар под дых. Она сразу завоорожила его.

Но сигнала тревоги не прозвучало. Рорк не догадался, что находится под наблюдением у полицейского. Он увидел всего лишь женщину – высокую гибкую брюнетку с короткими взъерошенными волосами, с глазами цвета темного меда и ртом, созданным для поцелуев. И решил, что, даже если она взглянула на него случайно, он теперь ее не отпустит.

И надо же было случиться, что за пазухой у нее оказался полицейский значок!

Ева помалкивала до самого аэропорта, где их поджидал на летном поле его «Джет-Стар». Она дала себе слово, что больше ничем не станет восхищаться: достаточно слабости, которую она себе позволила, получив в лимузине чашечку прекрасного кофе. Пусть думает, что роскошный салон с глубокими креслами, диванами, старинным ковром, хрустальными вазами с цветами оставил ее равнодушной.

В салоне появилась стюардесса в форме, не выказавшая ни малейшего удивления при виде незнакомки, которую Рорк привел в самолет.

– Бренди, сэр?

– Моя спутница предпочитает кофе, Диана. Черный кофе? – Он вопросительно приподнял бровь и дождался утвердительного кивка Евы. – А я выпью бренди.

– Наслышана о «Джет-Старе». – Ева сбросила пальто, и стюардесса унесла его вместе с плащом Рорка. – Но у вас, кажется, совсем новая модель?

– Вы правы. Мы посвятили ее разработке два года.

– Мы – это «Рорк Индастриз»? – спросила она, усаживаясь в кресло.

– Совершенно верно. Предпочитаю по возможности пользоваться собственным самолетом. Вам придется пристегнуться для взлета. – Он нажал кнопку связи. – Мы готовы.

– Есть разрешение на взлет. Тридцать секунд, – ответил мужской голос.

Не успела Ева и глазом моргнуть, как они уже взмыли в воздух. Отрыв от земли был таким плавным, что она ничего не почувствовала. Разница явно была не в пользу регулярных рейсов, пассажиры которых первые пять минут полета проводят вдавленными в кресла.

Им подали напитки и поднос с фруктами и сырами, от одного вида которых у Евы потекли слюнки. Но она решила, что пора приступить к делу.

– Вы давно знакомы с Шерон Дебласс?

– Нет, мы познакомились недавно, в гостях у общих друзей.

– Но вы назвали себя другом семьи.

– Ее родителей я знаю много лет, – ответил он не задумываясь. – Сначала это был чисто деловой контакт, а потом возникла дружба. Шерон тогда еще училась и жила в Европе, поэтому

наши пути не пересекались. Мы встретились впервые всего несколько дней назад. Я пригласил ее поужинать. А потом она погибла.

Рорк вынул из внутреннего кармана пиджака плоский золотой портсигар и закурил. Ева прищурилась.

– Разве вы не знаете, что в самолетах курить запрещено?

– Только не в частных! – Он улыбнулся ей сквозь легкую дымовую завесу. – Вам не кажется, лейтенант, что у полиции и так есть чем заняться? Зачем регламентировать нашу мораль и индивидуальные привычки?

Ева отказывалась признаваться даже самой себе, что ее соблазняет аромат его табака.

– Так вот почему вы коллекционируете огнестрельное оружие? Еще одно проявление вашей индивидуальности?

– О, оружие обладает загадочным очарованием! Особенно старинное оружие. Какой мужчина не мечтает его иметь? Но это не всем доступно.

– И слава богу. Зато убийства и тяжкие повреждения, причиняемые с помощью такого оружия, теперь в прошлом. Если не считать случаев, подобных убийству Шерон Дебласс. По моему, следует установить более строгие правила пользования личным оружием.

– Вы так привержены правилам, лейтенант?

Вопрос был как будто невинным, но Еве послышалось в нем оскорбление, и она расправила плечи.

– Без правил наступает хаос.

– А вам не кажется, что хаос – это жизнь?

«К черту философию!» – раздраженно подумала Ева и спросила напрямик:

– В вашей коллекции есть кремневое оружие? Точнее – пистолет, изготовленный в середине прошлого века?

Рорк медленно, задумчиво затянулся. Огонек сигареты, длинные изящные пальцы, аура богатства и вседозволенности...

– Как будто да. Ее убили именно из такого пистолета?

– Не сочтете за труд продемонстрировать мне свой экземпляр?

– Разумеется, когда пожелаете.

Как просто! Излишняя простота всегда вызывала у Евы подозрение.

– Мне известно, что за день до смерти Шерон Дебласс вы с ней ужинали. В Мексике.

– Верно. – Рорк потушил сигарету, взял рюмку с бренди и откинулся в кресле. – У меня небольшая вилла на Западном побережье. Я подумал, что ей понравится, и не ошибся.

– Вы состояли с Шерон Дебласс в интимной связи?

Ева увидела в его глазах блеск – то ли усмешку, то ли злость.

– Подразумеваете секс, лейтенант? Нет, хотя вряд ли это так важно. Мы просто ужинали.

– Вы пригласили к себе на мексиканскую виллу красивую женщину, профессиональную проститутку, и ограничились ужином при свечах?!

Рорк не спешил с ответом – казалось, его больше интересовали фрукты на блюде. Оторвав от кисти блестящую зеленую виноградину, он сказал:

– Я ценю общество красивых женщин и обожаю проводить с ними время. Но услугами профессионалок я не пользуюсь по двум причинам. Во-первых, не считаю необходимым платить за секс. А во-вторых, не люблю пользоваться тем, что находится в широком употреблении. – Он сделал короткую, но выразительную паузу. – Почему вы считаете, что нельзя просто общаться с женщиной? Вот, например, беседуем же мы с вами...

Еву неожиданно прошиб озноб, но она гордо задрала подбородок.

– Это неудачный пример!

– Почему же? Вы красивы, мы с вами одни – во всяком случае, еще четверть часа нас никто не потревожит. И тем не менее мы ограничиваемся кофе и бренди. – Он усмехнулся, заметив гнев, вспыхнувший в ее глазах. – Это ли не героизм?! Оцените мою выдержку!

– Полагаю, ваши отношения с Шерон Дебласс имели несколько иную окраску.

– Тут я вынужден согласиться. – Он выбрал еще одну виноградину и предложил ей.

Аппетит – непростительная слабость. Но Ева вспомнила об этом, когда уже взяла виноградину и прокусила тонкую терпкую кожуру.

– Вы виделись с ней после ужина в Мексике?

– Нет. Я проводил ее, высадил из машины примерно в три часа ночи и отправился домой.

Один.

– Расскажите, чем вы занимались следующие сутки после того, как в одиночестве отправились домой.

– Первые пять часов я спал. После завтрака сделал несколько деловых звонков. Это было в четверть девятого – можете проверить.

– Проверю.

Его усмешка источала такой рассчитанный соблазн, что у Евы участилось дыхание.

– Нисколько не сомневаюсь. Вы меня восхищаете, лейтенант Даллас!

– Что было после конференции?

– Я закончил часов в девять. До десяти работал дома, потом провел несколько часов в офисе, принимая посетителей. – Он достал тоненькую записную книжку. – Перечислить, кого именно?

– Лучше направьте мне список.

– Будет сделано. К семи я вернулся домой. Ужинал дома, с представителями моей японской компании. Мы сели за стол в восемь. Хотите, пришлю меню?

– Перестаньте иронизировать, Рорк!

– Это простая дисциплинированность, лейтенант. Ужин закончился рано. В одиннадцать я снова был один, если не считать книжки и стакана бренди. В семь утра я выпил первую чашечку кофе. Кстати, хотите еще?

Ева чувствовала, что способна на убийство ради этого восхитительного кофе, но превозмогла себя и помотала головой.

– Восемь часов одиночества, Рорк! Вы за это время хоть с кем-нибудь говорили, кого-то видели?

– Ни с кем не говорил и никого не видел. Мне предстояло утром лететь в Париж, поэтому хотелось провести вечер спокойно. Как я теперь вижу, это было опрометчивое желание... С другой стороны, если бы в мои планы входило совершить убийство, было бы глупостью не запастись алиби.

– Или дерзким высокомерием! Теперь насчет вашей коллекции старого оружия: вы его просто собираете или пускаете в дело?

– Признаюсь, я люблю пострелять. – Он отставил пустую рюмку. – Буду счастлив продемонстрировать вам свое мастерство, когда вы пожелаете полюбоваться моей коллекцией. Вас устроит завтра?

– Вполне.

– Тогда в семь часов. Полагаю, адрес вам известен.

Он неожиданно коснулся ее руки, и Ева встретила его прикосновение раздраженным взглядом. Рорк улыбнулся, но на его лице по-прежнему ничего нельзя было прочесть: глаза смотрели равнодушно.

– Пристегнитесь, – посоветовал он. – Сейчас будем садиться.

Ева пожала плечами, слегка покраснев, и послушно пристегнулась. Рорк искоса взглянул на нее. Он чувствовал, что волнуется эту женщину, но не мог понять, в каком качестве: как

мужчина или как подозреваемый в убийстве? А может, то и другое вместе? Что ж, в любом из этих вариантов можно было усмотреть преимущества и любопытные перспективы.

– Ева... – пробормотал он. – Как просто и одновременно женственно. Не уверен, что вам подходит это имя.

Ева снова пожала плечами и хранила молчание, пока стюардесса забирала посуду.

– Вы бывали в квартире Шерон Дебласс? – спросила она наконец.

«Крепкий орешек, – подумал Рорк. – Но ничего, тем мягче и горячей окажется сердцевина». Интересно, сможет ли он туда добраться? Вернее, скоро ли это произойдет?

– Когда она там жила – нет. – Он снова откинулся в кресле. – А до этого – не припомню, хотя вероятность велика. Как-никак, я владелец комплекса «Горэм». Уверен, вы уже в курсе.

Рорк покосился на стремительно приближающуюся посадочную полосу.

– Вам есть на чем уехать из аэропорта, лейтенант или вас подвезти?

4

Покончив с рапортом для Уитни, Ева притащилась домой на последнем издыхании. К тому же она была крайне раздосадована. Ей очень хотелось огоршить Рорка сообщением, что ей известно, кому принадлежит «Горэм». Но он ее опередил, причем сделал свое признание тем же тоном, каким предлагал кофе. Разговор закончился с разгромным счетом не в ее пользу.

Этот счет Еве очень не понравился. Надо было срочно отыгрываться. Вместо того чтобы отдыхать, она включила диктофон.

– Подозреваемый Рорк, знакомый потерпевшей. Согласно данным свидетеля «С», Себастьяна, потерпевшая испытывала страсть к подозреваемому. Подозреваемый отвечал ее требованиям к партнерам по сексу. Возможность ответного влечения – высокая.

Возможность совершить преступление. Подозреваемый – хозяин жилого дома, где проживала потерпевшая, имеет легкий доступ к месту преступления и, возможно, знаком с устройством охранных систем. У подозреваемого отсутствует алиби на восьмичасовой отрезок времени в ночь убийства, включая время стертых записей камер наблюдения. Подозреваемый владеет коллекцией старинного оружия, включая то, из которого совершено убийство. Подозреваемый признал, что является метким стрелком.

Личные качества подозреваемого: предпочитает одиночество, уверен в себе, ценит удобства, умен. Примечательное сочетание агрессивности и умения произвести выигрышное впечатление.

Мотив...

Здесь Ева столкнулась с трудностями. Размышляя, она встала и прошлась по комнате. Зачем такому, как Рорк, совершать убийство? Из корысти, в порыве гнева? Не годится! И богатство, и положение он уже завоевал, причем совсем иными методами. Женщин – для постели и любых других нужд – он покорял без малейших усилий. При этом она все-таки угадывала в нем склонность к насилию и способность применить его без малейших колебаний.

От убийства Шерон Дебласс за милю разило извращенным сексом и необузданной жестокостью. Ева никак не могла совместить безобразное зрелище в залитой кровью комнате с обликом элегантного джентльмена, угощавшего ее кофе.

Возможно, в этом все дело?

– Подозреваемый считает мораль сугубо личной сферой, куда не должен вторгаться закон, – продолжила она, вышагивая по гостиной взад-вперед. – Секс, владение оружием, наркотики, табак и алкоголь, даже убийство – все это, по его мнению, имеет отношение к морали, а не к закону. Убийство проститутки, действовавшей на основании законной лицензии, единственной дочери его друзей и единственной внучки одного из активнейших консервативных законодателей страны, из старинного пистолета... Не исключено, что, с точки зрения подозреваемого, это служит иллюстрацией изъянов юридической системы.

Итак, мотив – гордыня и желание доказать свою правоту.

Ева облегченно перевела дух. Все-таки в ее построениях есть логика! Она уселась поудобнее. Действительно, возможность у Рорка была, средства тоже. А если вспомнить о его высокомерии, то и мотив.

Прослушивая запись, Ева недоумевала, почему у нее не получается представить себе, как это происходило.

Но не получалось, хоть тресни! Она не могла вообразить Рорка, прячущегося за камерой, целящегося из смертоносного оружия в беззащитную, обнаженную, улыбающуюся женщину. Рорка, вгоняющего в ее тело пулю за пулей спустя считанные минуты после того, как в ее утробу ударило его семя...

Впрочем, есть факты, от которых не спрячешься. Собрать побольше таких фактов – и можно выписывать ордер для психиатрического освидетельствования.

Разве не занимательно? Ева улыбнулась, хотя ей было не до смеха. Забраться Рорку в мозги – что за захватывающее приключение!

Первый шаг на этом пути уже был запланирован. Она сделает этот шаг завтра в семь вечера.

Звонок в дверь заставил ее вздрогнуть. Ева выключила диктофон, подошла к двери и, увидев в «глазок», кто ее потревожил, улыбнулась.

– Привет, Мэвис!

– Неужели ты забыла?!

Мэвис Фристоун впорхнула в квартиру, звеня браслетами и источая благоухание. В этот раз ее волосы искрились серебром – цвет, который наверняка сменится уже завтра вместе с ее настроением. Мэвис откинула волосы назад, и они, мерцая, закрыли всю ее спину, до самой осиной талии.

Ева захлопнула дверь и заперла все замки.

– Ты о чем?

– Об ужине с танцами и развратом! – Мэвис глубоко вздохнула и легко, как перышко, опустилась вместе со всеми своими украшениями на диван, откуда устремила укоризненный взгляд на серый костюм Евы. – Или ты собираешься пойти в этом?

Чувствуя себя замухрышкой, как бывало всегда, стоило Мэвис оказаться поблизости, Ева виновато проямлила:

– Пожалуй, ты права.

– Я же говорю! – Мэвис ткнула в нее униженным кольцами пальцем. – Ты забыла!

Ева действительно забыла, но теперь начинала припоминать. Они собирались побывать в новом клубе, обнаруженном Мэвис в аэропорту Джерси. Мэвис утверждала, что летчики – прекрасные танцоры, а кроме того, отличаются потрясающей сексуальностью, как-то связанной с длительным пребыванием в верхних слоях атмосферы.

– Я в самом деле забыла, прости. А ты отлично выглядишь!

Впрочем, Мэвис всегда выглядела отлично. Восемь лет назад, сцапав ее за мелкую кражу, Ева сказала ей первый комплимент. Тогда Мэвис была шустрой уличной шалопайкой с ловкими пальцами и неотразимой улыбкой. Впоследствии они подружились. И Ева, у которой практически все друзья служили в полиции, чрезвычайно ценила эту дружбу.

– А ты выглядишь усталой, – в устах Мэвис это звучало не сочувственно, а укоризненно. – Смотри-ка, пуговицу потеряла!

Ева машинально нащупала на жакете место, где остались торчать нитки.

– Черт, так и знала! – Она с отвращением сняла и отшвырнула жакет. – Что-то я совсем замоталась. Слишком много дел.

– Мое черное пальтишко тебе тоже понадобилось для дела?

– Конечно. Спасибо, оно очень пригодилось.

Мэвис нахмурилась, постукивая зелеными ногтями по подлокотнику.

– А я-то надеялась, что у тебя свидание! Когда ты вспомнишь, что среди мужчин есть не только преступники, Даллас?

– Конечно, не только! Например, тот консультант по имиджу, с которым ты меня познакомила, – не преступник, а просто идиот.

– Уж больно ты разборчива! К тому же это было полгода назад.

Тот тип пытался ее покорить, предложив сделать бесплатную татуировку на губах. Ева считала, что полгода – недостаточный срок, чтобы очухаться после такого. Но держала это мнение при себе.

– Иду переодеваться, – обреченно произнесла она.

– Ладно, не страдай. Я же знаю, что тебе сейчас не до веселья. Да и вообще стукаться задницей о ребят из стратосферы – развлечение не для каждой. – Мэвис вскочила, звеня длинными, до плеч, серьгами. – Можем никуда не ходить. Только избавься от своей уродливой юбки, а я тем временем закажу китайский ужин.

Ева едва не захлопала в ладоши от облегчения. Ради Мэвис она была готова тащиться в шумный, набитый битком ночной клуб, чтобы уворачиваться там от изголодавшихся по женщинам пилотов. Но куда приятнее было просто посидеть, задрав ноги к потолку.

– Ты не обидишься?

Мэвис отмахнулась: она уже набирала номер любимого ресторана.

– Не беда, я и так каждый вечер торчу в клубе.

– Так то работа, – откликнулась Ева из ванной.

– Ты еще будешь мне рассказывать! Несколько лет назад я считала, что зарабатывать на жизнь пением – почти развлечение. Но теперь я знаю, что это адский труд. Хочешь яичный рулет?

– Еще как! А ты не могла бы махнуть на все это рукой?

Мэвис ответила не сразу, диктуя в трубку названия выбранных блюд.

– Нет, я привыкла к аплодисментам. К тому же мы переписали контракт: теперь я имею десять процентов от сборов. Я стала солидной деловой женщиной.

– Ну, положим, солидности в тебе ни на грош, – возразила Ева, появившись в джинсах и джемпере с аббревиатурой нью-йоркской полиции.

– Что верно, то верно... У тебя осталось вино, которое я принесла в прошлый раз?

– Почти целая бутылка. – Ева сходила на кухню и принесла вино. – Ты по-прежнему встречаешься со своим дантистом?

– Нет. – Мэвис лениво подошла к аудиовидеоблоку и включила музыку. – Такой накал страстей не по мне. Одно дело – интерес к моим зубам, и совсем другое – ко всему сразу. Представляешь, ему захотелось жениться!

– Вот негодник!

– Никому нельзя доверять, – заявила Мэвис. – А как поживают закон и порядок?

– Тоже повышенный накал. – Услышав звонок, она поставила бутылку. – Неужели еда? Так быстро? Не может быть!

В ту же секунду раздалось цоканье пятидюймовых каблучков Мэвис, по-хозяйски направившейся к двери.

– Посмотри сперва в «глазок»! – крикнула Ева и рванулась следом за подругой, но та уже беспечно распахнула дверь.

Выругавшись, она хотела выхватить оружие – и запоздало вспомнила, что не надела кобуру. Кокетливый смешок Мэвис несколько успокоил ее, а потом Ева узнала униформу компании по доставке и разглядела смущение на лице юноши, вручившего Мэвис пакет.

– Обожаю любовные послания! – пропела Мэвис, трепеща ресницами. Юноша залился краской и попятился. – Не желаете заглянуть на огонек?

– Оставь человека в покое!

Укоризненно качая головой, Ева отняла у Мэвис пакет и захлопнула дверь.

– В этом возрасте они такие лапочки! – Мэвис послала дверному «глазку» воздушный поцелуй и повернулась к Еве: – Чего это ты так нервничаешь, Даллас?

– Наверное, из-за моего теперешнего расследования. – Ева покосилась на золотую фольгу и изысканный бант на пакете, который держала на вытянутых руках скорее с подозрением, чем с удовольствием. – Ума не приложу, от кого это может быть.

– Тут есть карточка, – сказала Мэвис. – Прочти – узнаешь.

– Сейчас посмотрим, кто на самом деле лапочка.

Стараясь держаться непринужденно и не показывать испуга, Ева извлекла карточку из позолоченного конверта.

РОРК.

Прочтя фамилию через Евино плечо, Мэвис присвистнула.

– Неужели тот самый Рорк?! Сказочно богатый, прекрасный, как принц, сексуальный, загадочный Рорк, владелец примерно двадцати восьми процентов мира, включая спутники?

– Другого не знаю, – раздраженно отрезала Ева.

– Надо же, с кем мы водимся! – Мэвис закатила глаза, окруженные зелеными тенями. – Ну, Даллас, мне нет прощения: как я тебя недооценивала! Немедленно выкладывай! Как, когда, с какой стати? Ты с ним спишь? Лучше ответь утвердительно и посвети в мельчайшие подробности!

– Последние три года нас с ним связывала тайная страсть. Я родила от него ребенка, которого теперь воспитывают буддистские монахи. – Насупив брови, Ева встряхнула пакет. – Боюсь, что разочарую тебя. Это связано с расследованием, вся информация по которому строго конфиденциальна.

Теперь Мэвис было не до притворного закатывания глаз. Когда Ева произносила словечко «конфиденциально», ее разбирало такое любопытство, что не действовали ни мольбы, ни угрозы.

– Ладно, ответь по крайней мере, такой ли он красавчик, как на экране?

– Лучше, – пробормотала Ева.

– Нет, правда?! – простонала Мэвис и шлепнулась на диван. – Кажется, я испытала оргазм!

– Тебе виднее. – Ева положила пакет на стол, не решаясь открыть. – Как он узнал, где я живу? Адрес полицейского не так-то просто раздобыть. Как ему это удалось? Что он затевает?!

– Ради бога, Даллас, не томи, быстрее открывай! Держу пари, он в тебя втюрился. Все-таки мужчины меня поражают! Им кажутся привлекательными холодные, не испытывающие к ним ни малейшего интереса, закомплексованные женщины. Они, видите ли, находят в них глубину... Наверное, там бриллианты! – Мэвис была готова пуститься вокруг пакета в пляс. – Ожерелье, усыпанное бриллиантами! А может, рубины? Рубины пошли бы тебе больше всего.

Не в силах больше ждать, она сама безжалостно разодрала роскошную упаковку, отшвырнула крышку и запустила руку в коробку.

– Что за чертовщина?!

Но Ева уже почуяла аромат и поневоле расплылась в улыбке.

– Кофе... – пробормотала она, не замечая, как смягчился ее голос, и взяла у Мэвис простой коричневый пакет.

– Кофе?! – Разочарованная Мэвис вытаращила глаза. – Денег у него куры не клюют, а он присылает тебе пакет кофе?

– Это совершенно особый сорт!

– Велика важность! – Мэвис небрежно отмахнулась. – Мне все равно, сколько это стоит, пусть даже целое состояние. Женщине нужны украшения.

Ева поднесла пакет к лицу и шумно втянула воздух.

– Только не этой женщине. Сукин сын, он знает, как ко мне подольститься! – Она перевела дух. – От такого можно ожидать всего.

На следующее утро Ева сварила себе чашечку драгоценного густого напитка. Даже капризный тостер не сумел испортить ей удовольствие. Потом она покатила в участок в холодной машине, под прохуdivшимися небесами, ежась и дрожа, но с улыбкой на губах.

Так, с улыбкой, она вошла в свой кабинет, где ее уже поджидал Фини.

– Так-так... – он понимающе покивал. – Что у нас было на завтрак?

– Только кофе, ничего, кроме кофе! У тебя что-нибудь для меня есть?

– Исчерпывающая информация по Ричарду Деблассу, Элизабет Барристер и остальному клану. – Он подал ей дискету с красной пометкой «5». – Никаких неожиданностей – за исключением Рокмена. Оказывается, в молодости он входил в военизированную группу «Сеть безопасности».

– «Сеть безопасности»? – повторила Ева, хмурясь.

– Тебе было всего восемь лет, когда ее разогнали, – усмехнулся Фини. – Может быть, слыхала о ней на уроках истории?

– Что-то смутно припоминаю. Кажется, это одна из организаций, возникших во время нашей заварухи с Кубой?

– Именно. Если бы они тогда добились своего, заваруха переросла бы в настоящую войну. Но дипломаты сумели вовремя потушить пожар. Через несколько лет группу распустили, хотя ходили слухи, что какая-то часть «Сети безопасности» ушла в подполье.

– Если даже я что-то слышала, значит, слухи ходят до сих пор. Думаешь, Рокмен имеет отношение к этой горстке фанатиков?

Фини печально покачал головой:

– В любом случае он соблюдает осторожность. Ясно одно: Рокмен летит на власть, как мотылек на огонь. Дебласс – очень могущественная фигура. Если он попадет в Белый дом, Рокмен окажется тут как тут.

– Я тебя умоляю! – Ева схватилась за живот. – Меня и без того мучают кошмары.

– Это, конечно, игра с дальним прицелом, но у Дебласса реальные шансы победить на предстоящих выборах, – сказал Фини, пожав плечами.

– У Рокмена все равно есть алиби. Зовется оно Дебласс. Оба были в ту ночь в Вашингтоне. – Она села. – Что-нибудь еще?

– Меня интересует Чарлз Монро. Человек ведет довольно странную жизнь, хотя как будто ни в чем не замечен. Сейчас я работаю с записями потерпевшей. Иногда, стирая файлы, люди кое-что оставляют «висеть». Кто знает, вдруг удастся уловить занятную тень? Надеюсь на невнимательность убийцы.

– Если действительно найдешь что-то занятное, Фини, то получишь от меня в подарок целый ящик своего любимого паршивого виски.

– Ловлю тебя на слове. Еще я продолжаю изучать Рорка, – добавил он. – Вот кто не допускает оплошностей! Стоит мне возомнить, что я преодолел очередную заградительную стену, как вырастает другая. Вся касающаяся его информация заперта на семь замков.

– Ничего, ты знай себе штурмуй стены. А я буду вести под них подкопы.

Выпроводив Фини, Ева села за компьютер. Ей не хотелось наводить справки при Мэвис, поэтому с вечера у нее накопилось нетерпение. Вопрос, введенный ею в компьютер, был прост: Ева хотела узнать, кто владелец комплекса домов, в одном из которых она живет.

Ответ был предсказуем:

РОРК.

Лола Старр получила лицензию на профессиональное занятие сексом всего три месяца назад. Она обратилась за ней, как только ей исполнилось восемнадцать – раньше все равно нельзя было, – а до этого в разговорах с приятелями с удовольствием называла себя любительницей.

В день выдачи заветной лицензии она покинула родной Толедо, сменила имя и стала Элис Уильямс. Ей успели наскучить и отчий дом, и собственное имя.

У нее всегда была довольно милая рожица эльфа, но она уговорила родителей подарить ей на шестнадцатилетие более заостренный подбородок и курносый нос. Лоле хотелось выглядеть сексуальным эльфом.

Сейчас, глядя на себя в зеркало, она с удовлетворением думала, что добила своего: настоящий маленький эльф с иссиня-черными волосами, выстриженными лесенкой, и молочно-белой упругой кожей. Теперь Лола копила деньги на изменение цвета радужной оболочки: карие глаза ей надоели, хотелось изумрудно-зеленые, более подходящие к ее новому облику. Но, по большому счету, ей повезло: у нее было миниатюрное крепкое тельце, не требовавшее постороннего вмешательства, разве что обычного ухода.

Всю жизнь ей хотелось одного: стать профессиональной проституткой! Другие девчонки мечтали о карьере юристов и финансистов, грызли науки, чтобы заделаться медиками и инженерами, а Лола всегда знала, что рождена для секса.

Так почему бы не зарабатывать делом, которое получается у тебя лучше всего?

Ей хотелось быть богатой, желанной, избалованной. По части желанности проблем не возникало: мужчины, особенно немолодые, с удовольствием оплачивали ее прелести. Но оказалось, что избранная профессия сопряжена с более значительными расходами, чем ей виделось в мечтах.

Плата за лицензию, обязательные медосмотры, налог за оскорбление общественной нравственности – все это существенно урезало доходы. В результате она смогла позволить себе всего лишь крохотную однокомнатную квартирку на задворках Шлюходрома.

Но это, конечно, было куда лучше, чем торчать на тротуаре, как многие. К тому же у Лолы были далекоидущие планы.

Рано или поздно она переедет в пентхаус и будет принимать только избранных людей. К ее услугам будут лучшие рестораны, она станет летать в экзотические страны, чтобы убажывать монархов и богачей.

Лола знала себе цену и не собиралась долго засиживаться на нижней ступеньке профессиональной лестницы.

Главным подспорьем были чаевые. Профессионалке не полагалось принимать наличные и подарки, однако все это делали. А Лола к тому же была совсем молода и так прыгала от восторга, получая презенты своих клиентов, что те с удовольствием дарили ей всякие побрякушки. Если же это были деньги, она аккуратно переводила их в банк, приближая мечту о пентхаусе.

Этим вечером Лола ожидала нового клиента, который, договариваясь с ней по телефону, потребовал, чтобы она называла его Папочкой. Она согласилась и, только оговорив финансовые вопросы, позволила себе ухмыльнуться. Клиент, очевидно, вообразил, что ему первому пришла в голову блажь считать ее своей малышкой! Ему было невдомек, что всего за несколько месяцев она научилась великолепно играть роль маленькой наивной девчушки, потакая вкусам стареющих «папочек».

Что ж, она посидит у него на коленях, потом позволит ему ее отшлепать и попросит прощения, пообещав впредь вести себя хорошо. Все это было всего лишь игрой, и мужчины чаще всего обращались с ней бережно.

Верная избранному имиджу Лола надела кокетливое платьице с белым гофрированным воротничком. Под платьем не было ничего, не считая белых чулок. Она удалила с лобка волосы и могла посоперничать гладкостью кожи с десятилетней девочкой.

Придирчиво изучив себя в зеркале, Лола чуть подрумянила щеки и нанесла блеск на пухлые губки. Когда в дверь позвонили, она улыбнулась своему отражению и отправилась открывать.

Пока что Лола не могла раскошелиться на видеосистему охраны и рассматривала посетителей в «глазок». Клиент оказался хорош собой, что ее порадовало. И, судя по всему, годился ей в отцы – это должно было порадовать его.

Она открыла дверь, улыбаясь робкой, застенчивой улыбкой:

– Здравствуй, Папочка.

Он не собирался терять понапрасну время – его было в обрез. Решив, что для шлюхи она довольно мила, он приветливо улыбнулся. Как только она впустила его и заперла дверь, он запустил руку ей под платье и остался доволен, обнаружив под подолом голое тело. Было бы очень кстати возбудиться как можно быстрее.

– Папочка! – верная своей роли, Лола игриво взвизгнула. – Нехорошо!

– Я слышал, что и ты нехорошая...

Он снял пальто и аккуратно положил его, глядя на ее надутое личико. Он все предусмотрел, и его пальцы не должны были оставить отпечатков, тем не менее он не собирался прикасаться здесь к чему-либо, кроме ее тела.

– Нет, я хорошая, Папочка! Даже очень.

– Нет, ты плохая девчонка! – Он вынул из кармана маленькую видеокамеру со складным штативом, установил ее и направил на узкую кровать, заваленную подушками и плюшевыми зверями.

– Собираешься снимать?

– Собираюсь.

Придется сказать ему, что это стоит дополнительных денег, но лучше не торопиться. Клиентам не нравится, когда в их фантазии вторгается грубая реальность, – это она твердо усвоила.

– Ложись на кровать.

– Да, Папочка. – Она улеглась среди подушек и веселых зверят.

– Говорят, ты занимаешься мастурбацией?

– Что ты, Папочка!

– Нехорошо говорить Папочке неправду! Придется тебя отшлепать. Но ничего, потом я поцелую больное местечко, и все пройдет. – Она улыбнулась, и он шагнул к кровати. – Подними платье, девочка, и покажи мне, как ты это делаешь.

Лола предпочла бы обойтись без этого: она любила, когда ее ласкали, а прикосновение собственных пальцев почти не доставляло ей удовольствия. Тем не менее она послушно задрала подол и приступила к делу – медленно, робко, как, наверное, хотелось ему.

Зрелище возбудило его. В конце концов, женщина для того и создана, чтобы приводить в неистовство саму себя и возжелавшего ее мужчину.

– Что ты чувствуешь?

– Так мягко... Попробуй сам, Папочка. Очень мягко!

Он повиновался, погрузил в нее палец и ощутил вполне приемлемую эрекцию. Тем лучше для обоих: все произойдет без задержек.

– Расстегни платье! – скомандовал он, не убирая руку. Она начала с верхней пуговицы и неторопливо добралась до нижней. – Перевернись!

Лола легла на живот, и он несколько раз несильно шлепнул ее. Она исправно повизгивала, ягодицы покраснели, но ему не было дела, действительно ли он причиняет ей боль. Продавая себя, она должна была знать о последствиях.

– Молодец!

Эрекция усилилась, его охватило нетерпение, но он взял себя в руки и, раздеваясь, не сделал ни одного лишнего движения. Оставшись голым, он лег на нее, сжав ее груди ладонями. «Как молода!» – думал он, сотрясаясь от прикосновения к ее юной плоти.

– Сейчас Папочка тебе покажет, как он поощряет хороших девочек.

Ему хотелось орального секса, но это было бы слишком рискованно: он знал, что противозачаточное средство уничтожит сперму у нее во чреве, но не во рту.

С удовольствием глядя молодое упругое тело, он проник в нее. Это получилось у него резче, чем он рассчитывал и чем, очевидно, ждала она, так что после первого отчаянного рывка

он призвал себя к умеренности. Ему не хотелось делать ей больно и заставлять кричать – хотя в таком месте вряд ли кто-либо обратил бы внимание на крики...

Она хорошо двигалась, встречая его толчки и подстраиваясь под его ритм. В какой-то момент ему даже показалось, что не все ее стоны и крики были подделкой. Он чувствовал, как она напрягается, как дрожит, и самодовольно улыбался: ведь ему удалось довести шлюху до настоящего оргазма!

Он закрыл глаза и изверг сперму.

Лола вздохнула и прилегла на подушки. Все получилось хорошо – гораздо лучше, чем она рассчитывала. Только бы не забеременеть!

– Я хорошая девочка, Папочка?

– Даже очень! Только это еще не все. Перевернись на спину.

Пока она выполняла приказание, он подошел к камере и включил съемку.

– Мы потом посмотрим фильм, Папочка?

Он покачал головой. Лола вспомнила о своей роли и надула губы.

– Давай посмотрим! Я так люблю видео... И ты снова меня поучишь, как быть хорошей девочкой. – Она улыбнулась, предвкушая премиальные. – Хочешь, я тебя поглажу? Мне так хочется!

Он с улыбкой вынул из внутреннего кармана пальто кремневый пистолет, для которого сам изобрел глушитель, и увидел в ее глазах всего лишь любопытство.

– Что это? Хочешь, чтобы я поиграла с новой игрушкой?

Первый выстрел он сделал в голову. Она упала на кровать, и он с удовольствием отметил, что хлопок был еле слышен. Он спокойно произвел второй выстрел – между ее молодых тугих грудей, и третий – в нежную промежность.

Выключив камеру, он аккуратно уложил Лолу среди окровавленных подушек и выпачканных кровью, но по-прежнему улыбающихся зверят. Она смотрела на него удивленным взглядом широко раскрытых, остановившихся глаз.

– Девушке не годится так жить, – ласково сказал он ей и вернулся к камере, чтобы зафиксировать финальную сцену.

5

Еве очень хотелось съесть шоколадку. Большую часть дня она давала показания в суде, а когда собралась пообедать, раздался звонок частного осведомителя. Встреча с ним стоила ей пятидесяти долларов, а привела только к появлению сомнительной ниточки в деле о контрабанде, над которым она безуспешно билась вот уже два месяца.

Теперь ей срочно требовалось что-нибудь сладкое, чтобы набраться сил, дотащиться до дома и подготовиться к семичасовой встрече с Рорком.

К ее услугам было по пути сколько угодно закусочных, обслуживающих водителей прямо в машинах, но она предпочла маленькую старомодную кафешку на углу Семьдесят восьмой улицы. Ева сама не понимала, почему любила бывать здесь. Владельцем этой закусочной был грубиян Франсуа с бегающими глазками, оказавшийся в Америке лет сорок назад. Америку и американцев Франсуа ненавидел, но тем не менее не вернулся на родину, а предпочитал изрекать всякие гадости и ныть за прилавком своего заведения, считая его удобным местом для обличения политического абсурда.

Ева из вредности звала его Фрэнком и заглядывала к нему каждую неделю, чтобы узнать, какую новую пакость он изобрел, чтобы отказать ей в кредите.

Мечтая о шоколадке, она шагнула в раздвинувшиеся при ее появлении стеклянные двери. Стоило им начать беззвучно закрываться у нее за спиной, как инстинкт заставил ее насторожиться.

У прилавка спиной к ней стоял верзила-посетитель в куртке с капюшоном. «Шесть футов пять дюймов, не меньше двухсот пятидесяти фунтов», – прикинула она. Ей даже не потребовалось взглянуть в испуганную физиономию Франсуа, чтобы почуять неладное, запах беды был так же силен и тошнотворен, как аромат рагу с овощами – сегодняшнего дежурного блюда.

К тому моменту, как двери окончательно сомкнулись, она успела отказаться от мысли воспользоваться оружием.

– Иди-ка сюда, стерва! Живее!

Мужчина обернулся. Бледность не могла скрыть желтого оттенка его кожи – свидетельства смещения кровей, – выражение глаз было совершенно отчаянное. Прикидывая, чем все это пахнет, Ева изучала маленький круглый предмет у него в руке.

Самодельное взрывное устройство и так не сулило ничего хорошего, а тут еще рука грабителя тряслась от волнения. Любители самодельной взрывчатки – известные психи. Этот идиот был вполне способен укокошить десяток людей, выронив свое изделие!

Ева бросила на Франсуа предостерегающий взгляд, давая понять, что, назвав ее лейтенантом, он мгновенно обречет всех присутствующих на гибель. Показывая грабителю пустые ладони, она шагнула к прилавку.

– Я не хочу неприятностей, – пролепетала она, заставляя свой голос дрожать так же сильно, как дрожала его рука с бомбой. – Пощадите! Дома меня ждут дети.

– Да заткнись ты! Ложись на пол! На пол!

Ева опустилась на колени рядом с каким-то человеком, который лежал лицом вниз, прижимая ладони к затылку. На счастье, посетителей было немного; Ева видела только чьи-то ноги, высывающиеся из-за столика.

– Всё сюда! – приказал грабитель Франсуа, размахивая своим опасным изделием. – Всё давай: деньги, чеки. Живее!

– День неудачный... – заныл Франсуа. – Сами понимаете, разве это бизнес? Вы, американцы...

– Хочешь попробовать? – Грабитель сунул взрывчатку Франсуа под нос.

– Нет, нет!

Франсуа в панике набрал код. Касса открылась. Грабитель посмотрел сначала на деньги, потом на потолок и, кажется, только тут заметил камеру, усердно снимавшую всю сцену.

Ева угадала его мысли. Камера запечатлела облик грабителя, и теперь все деньги Нью-Йорка не смогут его стереть. Единственной надеждой была взрывчатка, которую он швырнет, прежде чем выбежать на улицу и пропасть в толпе.

Она набрала в легкие побольше воздуха, как ныряльщица перед погружением, и вскочила. Грабитель поднял руку с бомбой; раздались крики, проклятия, мольбы. Ева бросилась вперед... От ее удара он выронил бомбу, она поймала ее в прыжке. В следующее мгновение грабитель нанес ответный удар.

Еве повезло: он попал ей по лицу не кулаком, а тыльной стороной ладони. Она врезалась в стойку с соевыми чипсами. Из глаз посыпались искры, но бомба осталась у нее в кулаке.

«Не та рука! Черт возьми, не та рука!» – успела подумать Ева, опрокидывая стойку. Она попыталась достать оружие левой рукой, но на нее уже обрушились все двести пятьдесят фунтов злобы и отчаяния.

– Сигнализация, кретин! – крикнула она Франсуа, стоявшему как столб и бессмысленно лязгавшему зубами. – Чего размечтался?!

Ева ахнула, получив удар в бок, от которого перехватило дыхание: на сей раз он додумался сжать ладонь в кулак. Грабитель уже не владел собой. Он рыдал, выкручивая ей руку в попытке отнять взрывчатку.

– Мне нужны деньги! Деньги! Я тебя убью! Я всех вас поубиваю!

И тогда она заехала ему коленом между ног. Старый как мир способ самозащиты подарил ей несколько секунд передышки, но не обезвредил противника. Он нанес ей следующий удар, и Ева врезалась головой в прилавок, едва не лишившись чувств. Ее отрезвил хлынувший сверху камнепад – желанные шоколадки.

– Сукин сын! Ах ты, сукин сын! – услышала она собственный хрип.

Потом раздались три смачных удара подряд: Ева не пожалела его физиономии. У него пошла носом кровь, и он схватил ее за руку.

Она знала, что руке грозит перелом, ждала нечеловеческой боли и хруста кости. Но в то самое мгновение, когда она уже собралась завопить от боли, когда зрение затуманилось, грабитель вдруг отпустил ее и рухнул.

По-прежнему сжимая в руке бомбу, Ева встала на четвереньки, ловя ртом воздух и борясь с тошнотой. Ее взгляд упал на черные начищенные башмаки. Полицейский подоспел вовремя!

– Заберите его, – она закашлялась. – Попытка вооруженного ограбления, ношение взрывчатки, нападение...

Ева с удовольствием присовокупила бы к этому перечню «нападение на полицейского при исполнении им служебных обязанностей» и «сопротивление задержанию», но так было бы нечестно: ведь она не назвала себя.

– Вы не пострадали, мэм? Вызвать «Скорую»?

Ей была нужна не «Скорая», а проклятая шоколадка!

– Я лейтенант полиции, – сообщила она, вставая и доставая значок.

Грабитель уже был в наручниках и без сознания: второй полицейский на всякий случай врезал ему дубинкой.

Увидев, что за игрушку она сжимает в кулаке, оба полицейских побелели.

– Ящик сюда! Надо обезвредить эту штуковину.

– Есть!

Первый полицейский исчез. Через полторы минуты он вернулся с сейфом, в каких перевозят и разряжают взрывные механизмы. Все напряженно молчали и старались не дышать.

– Заберите его, – повторила Ева; только избавившись от бомбы, она почувствовала, как напряжена. – Я подам рапорт. Сто двадцать третий участок?

- Он самый, лейтенант.
- Хорошо сработали. – Уронив пострадавшую руку, она потянулась здоровой к прилавку и выбрала шоколадку «Гелекси», не сброшенную на пол во время битвы. – Я еду домой.
- А заплатить? – крикнул ей вслед Франсуа.
- Обойдешься, Фрэнк, – ответила она, не оборачиваясь.

Из-за заварушки в закусочной Ева выбилась из расписания и попала к особняку Рорка только в десять минут восьмого. Боль в руке и плече она уняла с помощью домашней аптечки, решив, что, если за два дня ей не станет лучше, придется навеститься к врачу, как она ни ненавидела всех врачей до одного.

Остановив машину, она немного посидела, любуясь домом Рорка. Скорее это была крепость. Четыре неприступных этажа высились над заиндевевшими деревьями Центрального парка. Сооружение это простояло уже лет двести. В больших окнах горел золотистый свет. За воротами со сложной охранной системой виднелись вечнозеленые кусты и продуманно расположенные карликовые деревья.

Еще более сильное впечатление, чем величие архитектуры и окружающее благолепие, производила тишина. Сюда не доносились уличный шум и грохот, не доползала людская каша. Даже небо над головой было не таким, как в деловом центре: здесь можно было разглядеть звезды, не заслоняемые небоскребами.

Приятная жизнь – жаль, что чужая... С этими мыслями Ева снова завела мотор и подъехала к воротам, держа наготове документы. Красный «глазок» сканера помигал, потом засиял ровным светом. Ворота бесшумно разъехались.

Хозяин дал охранной системе команду ее пропустить – и она не знала, что чувствовать: радость или настороженность.

Выйдя из машины, Ева поднялась по гранитным ступенькам. Дверь открыл дворецкий. С этой породой людей она была знакома только по старым фильмам. Дворецкий полностью соответствовал образу: седовласый, сдержанный, учтивый, в черном костюме с иголки и старомодном галстуке.

– Прошу, лейтенант Даллас, – она уловила легкий акцент – то ли британский, то ли славянский.

– У меня встреча с мистером Рорком.

– Он ожидает вас.

Дворецкий пригласил ее в просторный холл с высоченным потолком, больше напоминающий музейный вестибюль. Сверкающий пол отражал свет изысканных светильников в тех местах, где не был закрыт богатым ковром. Роскошная лестница, охраняемая скульптурами грифонов на постаментах, уходила влево.

Стены были увешаны картинами вроде тех, которые она видела еще школьницей, посещая с классом музей «Метрополитен»: в основном здесь были представлены французские импрессионисты.

– Будьте добры, вашу верхнюю одежду.

Ева оторвалась от созерцания картин. Ей показалось, что невозмутимый дворецкий смотрит на нее снисходительно. Она сбросила кожаную куртку и проследила, как он брезгливо взял ее двумя ухоженными пальцами.

Чем тут брезговать? Кажется, она смыла с куртки почти всю кровь...

– Прошу сюда, лейтенант Даллас. Не угодно ли подождать в приемной? У мистера Рорка разговор с континентом.

– Ничего, подожду.

Она перешла в следующий музейный зал, где горел камин. Огонь лениво поедал настоящие дрова, мерца в центре очага, обложенного малахитом. Ева огляделась: два торшера, похо-

жие на огромные драгоценные камни со светом внутри, два дивана с резными спинками и роскошной обивкой сапфировых тонов. Деревянная мебель была отполирована так, что от блеска слезились глаза. Тут и там экспонировались настоящие произведения искусства: скульптуры, сосуды, граненое стекло.

Сначала ее каблуки стучали по паркету, потом увязли в ковре.

– Не желаете ли освежиться, лейтенант?

Она оглянулась и увидела, что дворецкий все еще держит ее куртку двумя пальцами, как грязную тряпку.

– Пожалуй. Что у вас есть, мистер...

– Соммерсет, лейтенант. Просто Соммерсет. Уверен, мы сумеем удовлетворить ваш вкус.

– Она любит кофе, – раздался из дверей голос Рорка. – Но, думаю, на сей раз не откажется попробовать «Монкар» урожая сорок девятого года.

Соммерсет расширил глаза – от ужаса, как показалось Еве.

– Сорок девятого, сэр?

– Именно. Благодарю, Соммерсет.

– Слушаюсь, сэр. – Дворецкий гордо удалился, унося с собой куртку.

– Простите, что заставил ждать, – начал Рорк, сузив потемневшие глаза.

– Ничего, – ответила Ева, глядя, как он приближается к ней. – Я тут... Вы что?!

Она дернула головой, когда он внезапно взял ее за подбородок и повернул левой щекой к свету.

– У вас синяк.

Это было произнесено холодным, даже ледяным тоном. Его глаза, рассматривавшие ее щеку, были непроницаемы. Но от прикосновения его теплых пальцев Еву пронзила дрожь.

– Драка из-за шоколадки, – сказала она, пожав плечами.

Он заглянул ей в глаза и не отводил взгляд несколько дольше, чем требовали приличия.

– Кто победил?

– Разумеется, я! Не надо было вставать между мной и лакомством.

– Буду иметь в виду.

Рорк убрал руку и засунул ее поглубже в карман. Он вдруг почувствовал, что это единственный способ побороть желание погладить ее по щеке. Ему очень хотелось оттереть этот чертов синяк. «Что за неуместная блажь?!» – подумал он и нахмурился.

– Надеюсь, вы одобрите сегодняшнее меню.

– Меню? Я здесь не для того, чтобы есть, Рорк! Я приехала посмотреть вашу коллекцию.

– Успеете и то, и другое.

Он обернулся. Соммерсет принес поднос с откупоренной бутылкой вина цвета спелой пшеницы и двумя бокалами.

– Сорок девятый год, сэр.

– Спасибо. Я налью сам. – Наполняя бокалы, он сказал Еве: – Надеюсь, это вино придется вам по вкусу. Может, ему недостает тонкости, но это компенсируется чувственностью.

Рорк прикоснулся своим бокалом к ее, издав мелодичный звон, и стал внимательно смотреть, как она пробует вино.

«Боже, что за внешность! – мелькнуло у него в голове. – Какая выразительная угловатость, сколько чувства – и при этом самообладания!» Он видел, как Ева старается скрыть удивление и восторг, ощутив вкус вина, и ему безумно хотелось попробовать, какова на вкус она...

– Одобряете? – поинтересовался он.

– Недурно. – Ей казалось, что она пробует чистое золото.

– Я рад. «Монкар» – первый сорт, который я когда-то приобрел для своего подвала. Не желаете ли сесть к камину?

Соблазн был велик. Она представила себя греющейся у огня, потягивающей вино, наслаждающейся нежными бликами света...

– Это не визит вежливости, Рорк! Я расследую убийство.

– Вы сможете продолжить расследование за ужином. – Он взял Еву за руку и вопросительно приподнял бровь, почувствовав ее неудовольствие. – Смею предположить, что женщина, вступившая в драку из-за шоколадки, оценит вырезку толщиной в два дюйма.

– Бифштекс? – Она боялась, что истечет слюной.

Он не смог побороть усмешку.

– Только что из Монтаны. – Видя, что она все еще колеблется, он вскинул голову: – Бросьте, лейтенант! Сомневаюсь, что порция натурального мяса повредит вашим недюжинным способностям сыщика.

– На днях меня уже пытались подкупить, – пробормотала она, вспомнив Чарльза Монро и его черный шелковый халат.

– И что же представляла собой взятка?

– Бифштекс куда интереснее. – Ева предпочла уйти от ответа и устремила на него серьезный взгляд. – Учтите, Рорк, если улики укажут на вас, у меня не дрогнет рука.

– Иного я не ожидаю. К столу!

Он повел ее в столовую. Снова хрусталь, сверкающее дерево, потрескивающий камин – на сей раз из мрамора с розовыми прожилками. Женщина в черном подала закуски – креветки в густом соусе и несколько разных салатов. Затем она принесла начатую бутылку и бокалы.

Ева редко заботилась о том, как выглядит, но сейчас пожалела, что не надела что-нибудь более подходящее к случаю, чем джинсы и свитер.

– И как же это вы настолько разбогатели? – дерзко спросила она, чтобы скрыть смущение.

– В силу самых разных причин.

Рорк поймал себя на том, что ему нравится наблюдать, как она ест. Ей была присуща редкая целеустремленность – во всем.

– Назовите хотя бы одну.

– Желание, – сказал он и выдержал многозначительную паузу.

– Маловато! – Она взяла бокал и спокойно встретила его взгляд. – Большинство людей желает богатства.

– Им недостает остроты желания. Они боятся борьбы, риска.

– А вы не боялись?

– Нет. Бедность – это так неудобно! Я очень люблю комфорт. – Он положил ей на тарелку хрустящего салата с приправой из пряных трав. – А знаете, мы с вами не такие уж разные люди, Ева.

– Что вы имеете в виду?

– Вам, очевидно, очень хотелось служить в полиции, и вы были готовы за это сражаться, рисковать. Вы тоже не выносите дискомфорт, только он у вас возникает от других причин: вам некомфортно, когда нарушается закон. Я делаю деньги, вы боретесь за справедливость. То и другое совсем не просто. – Он немного помолчал. – А знаете, чего хотелось Шерон Дебласс?

Ее вилка задрожала, но она сумела подцепить листик зеленого салата, сорванный не более часа назад.

– Нет, не знаю. А вы?

– Мне кажется, знаю. Ей хотелось власти. Секс часто становится средством ее достижения. У нее хватало денег, чтобы окружить себя комфортом, но этого ей было мало. Ей хотелось власти над клиентами, над собой, а главное, над своей семьей.

Ева положила вилку. В свете камина, в неверном отблеске свечей, отражаемом хрусталем, Рорк казался опасным. И совсем не потому, что он был способен наброситься на женщину.

Напротив – потому, что женщина не могла его не возжелать! Его глаза оставались в тени, и взгляд не поддавался прочтению.

– Вы говорили, что едва знали Шерон Дебласс. Как же тонко вы при этом анализируете ее натуру!

– Чтобы составить мнение, не требуется много времени, тем более когда человек как на ладони. У нее не было вашей глубины, Ева, вашего самообладания, вашей завидной целеустремленности.

– Речь не обо мне! – Ей совершенно не хотелось, чтобы он переводил разговор на нее и смотрел такими глазами. – Итак, по-вашему, она стремилась к власти. Так сильно стремилась, что рассталась с жизнью, не успев урвать кусок побольше?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.